

ВАДИМ ПОЛИЩУК

КАПИТАН МАГУ
ПАЛКАНСКИЙ
ДЕБЮТ

FANTASY ✦ WORLD

Fantasy-world

Вадим Полищук

Капитан Магу. Палканский дебют

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Полищук В.

Капитан Магу. Палканский дебют / В. Полищук — «Издательство АСТ», 2021 — (Fantasy-world)

Новый взлет и новое падение, из флигель-адъютантов в командиры линейного роты N-ского сдулазаряжающегося пехотного полка. А еще капитан узнает, как можно спасти от смерти наследника престола и остаться при этом неизвестным. Выжить там, где выжить, казалось бы, невозможно, и превратить обычную вылазку в победный поход. Что еще? Ах да! Можно попытаться спровоцировать новую войну, едва только успела завершиться последняя.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

© Полищук В., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	23
Глава 3	40
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Вадим Полищук

Капитан Магу. Палканский дебют

© Вадим Полищук

* * *

– Алекс, ну помогите же мне!

Еще не обернувшись, по голосу Алекс узнал баронессу Люменкрофт – жену министра двора Его Императорского Величества Александриса II. Года три тому назад юная выпускница Академии светских девиц Биргет Эберлейн сочеталась браком с министром бароном Люменкрофтом, находившимся к тому времени уже в весьма почтенном возрасте. Трудно сказать, зачем этот брак, третий по счету, понадобился самому барону, но факт остается фактом – он состоялся. Вскоре после свадьбы молоденькая супруга с задором и страстью, так свойственными женам престарелых мужей, начала коллекционировать всех более или менее привлекательных мужчин, попадавших в поле ее зрения. Естественно, госпожа министерша никак не могла пройти мимо новоиспеченного флигель-адъютанта.

– Прошу прощения, мадам, сейчас я вам помогу.

Почему Алекс проигнорировал весьма недвусмысленные намеки прелестницы? Во-первых, ему как-то не хотелось стать очередным охотничьим трофеем распутницы, посетившим супружескую спальню баронов Люменкрофтов. Во-вторых, ему было просто жалко барона. Пока старик сутками пропадал на службе, вел весьма запутанные дворцовые дела, разбирался с интригами и улаживал многочисленные конфликты среди придворных, его жена бессовестно наставляла ему рога с очередным кавалером. Барон Люменкрофт, сам опытный придворный интриган, сумевший четверть века удержаться в министерском кресле, безусловно, обо всем знал. Не мог не знать, но на похождения баронессы закрывал глаза. По крайней мере, до тех пор, пока еще не случилось публичного скандала.

– Ну, наконец-то, Алекс! Я уже устала вас ждать!

Столкнувшись с неожиданным пренебрежением своими несомненными достоинствами, Биргет Люменкрофт поначалу удивилась, а потом перешла к планомерной осаде непокорной крепости, именуемой капитан Магу. Она играла с ним, как опытная кошка с маленьким мышонком. То буквально преследовала его, была с ним очень мила и приветлива, то вдруг становилась холодна и безразлична. Более того, по дворцу поползли слухи, что на период этой битвы все прежние ухажеры баронессы получили отставку.

Поначалу Алекса даже забавляли все эти наивные маневры великосветской потаскушки, потом они его начали раздражать. А раздражение началось потому, что молоденькой и хорошенькой Биргет Люменкрофт удалось сыграть на его чувствах. Правда, не совсем так, как она рассчитывала, но все-таки удалось. С недавних пор Алекс начал подумывать над тем, что может, и стоило бы разок задрать юбки баронессы только для того, чтобы она от него отстала.

– Я к вашим услугам, мадам!

Кучер – скотина, остановил карету прямо посреди лужи, образовавшейся после утреннего дождя, и теперь баронесса не могла самостоятельно достичь более или менее сухого места. Она стояла на подножке кареты, приподняв подол юбки так, чтобы была видна ножка в изящной туфельке и ажурном чулке. Дама ожидала помощи молодого офицера. Пришлось самому влезть в эту проклятую лужу и подать даме руку.

– Ах!

При попытке преодолеть приличное расстояние над поверхностью грязной воды, баронесса буквально повисла на Алексе, который сам едва устоял на ногах. Плотнo упакованная в лиф платья грудь министерши прижалась к флигель-адъютантскому аксельбанту.

– Как же вы неловки, Алекс! А что это у вас там такое твердое?

– Это рукоятка моей сабли, мадам.

Капитан вынес баронессу на сухое место, где ей пришлось от него оторваться. В этот момент на дворцовый двор въехала карета генерала Скоблина, которого Алекс, собственно, и вышел встретить, чтобы проводить к императору.

– Прошу прощения, мадам, служба!

– Ну так идите, Алекс, но обещайте, что мы еще сегодня увидимся.

– Непременно, мадам, – пообещал капитан.

После этого обещания баронесса Люменкрофт упорхнула к дворцовым дверям, распахнутым перед ней лакеями. Проводив взглядом ее ловко виляющий аппетитный задик, Алекс вздохнул и отправился встречать генерала. Его хотя бы не потребуется тащить через лужу. А вообще, вся эта дворцовая суета уже начала изрядно надоедать ему.

Глава 1

Странно, в его спальне был высокий беленый потолок, а первое, что увидел Алекс, едва открыв глаза, был нависающий над кроватью кружевной балдахин, уместный для спальни какой-нибудь высокооплачиваемой куртизанки или великосветской дамы. Разница между двумя этими категориями женщин была только в том, что одни занимались этим за деньги, а вторые из любви к искусству или ради карьеры своих мужей.

Секундой позже Магу понял, что пуховая перина под его боком также ничем не напоминала жесткий матрас в его комнате. И укрывавшее его розовое одеяло тоже было чужим. А еще он был полностью голым. Баронесса Люменкрофт! Ей все-таки удалось! Алекс торопливо отогнул край одеяла, чтобы увидеть свою соседку по перине. Вместо мелких кудряшек баронессы на подушке обнаружились крупные светлые локоны. Не она!

События вчерашнего вечера начали нехотя всплывать в его памяти. Они с Анатолом наконец-то выбрались вчера к Тюба, чтобы, как полагается, хорошенько обмыть новый орден Алекса. Заодно отметили и новое назначение капитана Магу. Память решительно отказывалась явить тот момент, когда к ним присоединилась эта девица. Вроде она была недурна собой и весела, но Анатолий при ее появлении вроде даже немного протрезвел.

Потом Алекс пил с ней шампанское на брудершафт, а Анатолий, гад, наступил ему на ногу своим сапожищем. «Или он хотел меня о чем-то предупредить?» Потом основательно перебравший горячительных напитков капитан Магу галантно предложил отвезти барышню домой в своей семейной карете. Там же, в карете, они начали целоваться. Продолжили на темной лестнице какого-то особняка, потом она привела Алекса в эту спальню.

«Карета! Неужели она до сих пор здесь стоит?» Ах да, он же ее вчера отпустил. Затем Алекс припомнил, что они с барышней вытворяли на этой перине, и невольно покраснел. «Интересно, где мое портмоне, и хватит ли в нем денег, чтобы с ней расплатиться?» Капитан протянул руку и убедился, что на сегодняшнюю ночь его соседка нижним бельем также не озаботилась.

– Алекс, я еще сплю!

«Она еще и имя мое помнит!» Алекс хотел было убрать руку, но ее сверху накрыла нежная девичья ручка и настойчиво потянула выше. Ладонь легла на нежное полушарие с твердой пуговкой на вершине. Барышня явно требовала продолжения, бравый капитан не нашел причин для отказа.

Где-то час спустя девица откинула одеяло, села, блеснув белизной хрупких плеч, затем накинула шелковый пеньюар и отправилась в уборную. «Как же ее зовут? Кажется, Мари. Опять Мари!» После ухода барышни Алекс получил возможность немного осмотреться и сориентироваться на местности. Желтое солнце поздней осени заглядывало в высокое окно. Не вставая с кровати, Магу через то же окно выглянул на улицу, пытаясь понять, куда же его вчера занесло столь приятное приключение.

«Так, судя по всему, это угол Гвардейской и Гренадерского. А что у нас находится в этом месте...» В этом месте сердце Алекса ухнуло куда-то в низ живота, а потребность самому посетить уборную приобрела необычайную остроту. А все потому, что на углу Гвардейской улицы и Гренадерского бульвара стоял дворец великого князя Николоса, а барышня, с которой он столь неосмотрительно закрутил вчера интрижку, была не кем иным, как его младшей дочерью Мари, великой княжной и племянницей самого императора! Вот влип! «А я еще ей заплатить собирался, хорошо хоть не успел».

Кроме того, сам великий князь Николос был видным мужчиной гвардейских статей и весьма вспыльчивого нрава. Поругателю чести младшей дочурки он мог не только кулаком в рыло дать, но в горячке и саблей рубануть. Подскочив, будто подброшенный мощной пружи-

ной, капитан Магу в лихорадочной спешке отыскал среди вороха нижних юбок княжны свои подштанники и принялся торопливо натягивать их.

Все дело было в том, что по причине напряженной международной обстановки, а затем и войны, всем было недосуг озаботиться судьбой этой девицы императорских кровей и подыскать ей какого-нибудь жениха из палканских князей. Нищие палканские династии были традиционным местом, куда пристраивали замуж руоссийских великих княжон. С одной стороны, какая-никакая, а правящая династия. С другой, приданого большого не требовалось, эти и малым крохам были рады.

Но в этот раз в матримониальных династических планах что-то не срослось, а девица тем временем уже созрела. И даже перезрела. Но ее-то можно было понять. В скором времени после окончания войны великой княжне Мари предстояло отправиться в какую-нибудь не ей выбранную дыру в одном из палканских княжеств, где придется жить на прокаленной солнцем скале, нянчить многочисленный выводок княжеских детишек, считать каждый грош и пускать горькую слезу, вспоминая роскошь столицы огромной империи. Вот и гуляла барышня направо и налево, прекрасно понимая, что ей в будущем предстоит.

Алекс трясущимися пальцами пытался справиться с завязками на кальсонах, но это ему никак не удавалось. Вообще-то такое явное проявление эмоций было не к лицу кавалеру столь высоких орденов и флигель-адъютанту самого императора, но, во-первых, сейчас его никто не видел, а во-вторых, разъяренный великий князь с обнаженной саблей в руке пострашнее любого османийца будет. И из револьвера в него стрелять нельзя, придется покинуть спальню княжны через окно и в одном нижнем белье.

И тут Алекс вспомнил, что великий князь Николос назначен главнокомандующим на Южноморском театре боевых действий, а потому сейчас находится за тысячи верст от столицы. Следовательно, немедленного вторжения любящего папаши можно было не опасаться. Расправа над соблазнителем особы императорской крови откладывалась на некоторое время. С проклятыми завязками удалось как-то справиться, да и позывы в животе сразу же стихли.

– Алекс, милый, ты останешься на завтрак?

«Я уже "милый Алекс", да еще и приглашение на завтрак. Не иначе эта дурочка планирует продолжение интрижки. Ее-то в любом случае не тронут, а мне что делать?» Внутренний голос тут же подсказал единственный разумный выход – бежать. Немедленно, под любым благовидным предлогом и подальше от столицы. Желательно сразу на войну, благо таковая в наличии имеется.

– Прошу прощения, дорогая Мари, но я вынужден вас покинуть. Служба.

Сказать-то легко, а как сделать? Нельзя же просто так заявиться к императору и испросить дозволения вернуться обратно в полк по причине того, что сегодня ночью имел неосторожность покувыркаться на перине с великой княжной, а теперь опасается мести со стороны младшего брата императора. В отношении соблюдения супружеской верности император и сам не без греха, своим подданным подобные шалости великодушно прощал, но в этом случае дело непосредственно касалось его семьи. К тому же княжна не замужем, а тут расклад совсем иной.

С третьей попытки Алекс попал в рукав мундира, пуговицы никак не хотели протискиваться в жесткие петли. И не было никакой надежды на то, что это приключение останется незамеченным. Наверняка уже вся прислуга знает о ночном посетителе. На выходе он немедленно будет опознан, хотя бы по флигель-адъютантскому аксельбанту, а к вечеру капитан Магу станет звездой светских сплетен. Мать узнает... Тут даже бегство по черной лестнице не поможет, кто-то наверняка будет «случайно» подниматься по ней навстречу или заниматься каким-либо «срочным» делом у двери.

– Все-таки уходишь?

Вернувшаяся в спальню княжна сладко зевнула, затем потянулась, демонстрируя изумительную тонкость талии сквозь просвечивающий пеньюар. «Интересно, это она случайно так встала или намеренно заняла позицию напротив окна?»

– Мне сегодня на дежурство заступать.

Это была истинная правда, вот только смена дежурных флигель-адъютантов производилась в шесть часов вечера.

– Жаль.

Мари присела на кровать, откинулась назад, в разрезе пеньюара показалась соблазнительная белая ножка. Покачивая на кончиках пальцев пушистой тапочкой, княжна поинтересовалась:

– А когда мы увидимся вновь?

Алекс отделался туманным обещанием:

– Непременно увидимся.

Португеза затянута, симметрия фуражки проверена, пора отступать. Княжна встала, бесшумно скользнула два шага по паркету, обвила теплыми руками шею, обдав капитана смесью таких соблазнительных запахов, что он с трудом удержался от того, чтобы задержаться у гостеприимной хозяйки еще на часок.

– До скорой встречи, мой герой.

Княжна, видимо довольная произведенным на молодого офицера впечатлением, чмокнула его в щеку и выпустила из объятий. Алекс лихорадочно пытался вспомнить, что он такое нес вчера о своих подвигах при взятии Арса, пытаясь произвести впечатление на симпатичную барышню. Или она имела в виду совсем другие подвиги?

– До встречи. А где у вас черная лестница?

Пальчик княжны указал на дверь.

– Прямо по коридору, вторая дверь направо.

В полутемном коридоре Алекс удачно избежал встречи как с людьми, так и с мебелью. Пробравшись на лестницу, он осторожно, стараясь произвести как можно меньше шума, спустился на первый этаж. Аккуратно приоткрыл входную дверь и...

– Здравия желаю, ваше сиясь-во!

Борода лопатой, нос картошкой, из-под козырька картуза блестят хитрющие глазки-пуговицы. Дворник стоял с метлой наизготовку, будто только и ждал его появления. Рожа повелителя мусора излучала почтение посетителю княжеского дворца и только в глазах светилась веселая хитринка. Поняв, что его инкогнито раскрыто, капитан решительно толкнул дверь и шагнул во внутренний двор.

– И тебе не хворать. Где здесь выход?

– Сюда извольте, ваше сиясь-во.

Вот прохиндей! Никаких вопросов «Кто? Куда? И не спер ли фамильное серебро из княжеского буфета?» Значит, уже знал. Даже «сиятельством» назвал на всякий случай. За недобор в титуловании можно и в морду получить, а за перебор в худшем случае словесно одернут.

Дворник проводил офицера до кованых ворот, выходивших на Гвардейскую, предупредительно забежал вперед, распахнул калитку. Алекс нащупал в кармане монету покрупнее, не глядя сунул ее хранителю ворот.

– Премного благодарен, ваше сиясь-во.

И хоть еще ничего не кончилось, на улице Алекс облегченно вздохнул, некоторая передышка была ему обеспечена. Как назло, на Гвардейской не оказалось ни одного наемного экипажа. Пришлось дойти до угла Гренадерского проспекта, где ему попался вожденный извозчик. Забравшись в коляску, офицер назвал адрес и под мерное покачивание на мягких рессорах погрузился в размышления, что делать дальше.

– Новость слышали? Штурм Коварны закончился неудачей, большие потери с обеих сторон.

Лейтенант Новославский был доволен, его дежурство закончилось, и теперь он мог отдохнуть и развлечься где-нибудь в приличном месте. Для него потери – всего лишь цифры в донесении. А капитану Магу при этих словах привиделись забытые ранеными и умирающими казематы форта, где мертвые продолжали лежать рядом с еще живыми. Новых размещать уже негде, а их все несут и несут. Хирурги, валящиеся с ног от усталости и ведра с ампутированными конечностями. Их вываливали в специально вырытые ямы. И над всем этим вонь дерьма и крови, стоны и крики, сводящие с ума.

Поначалу капитан Магу пытался объяснить эгоистичному и избалованному мальчику разницу между Большими осенними маневрами в столичном пригороде и настоящей войной, но дальний родственник генерала Новославского понять его даже не пытался. Вот и сейчас он сразу перевел разговор на служебную тему.

– Происшествий никаких не было. На шесть тридцать назначено генералу Скоблину, надо встретить и проводить. Больше на сегодня приема нет.

Дежурство предвещало быть спокойным. В назначенное время Алекс проводил Скоблина к Александрису. Судя по пухлому портфелю в правой руке генерал-квартирмейстера, аудиенция закончится нескоро. Капитан Магу откинулся на спинку неудобного жесткого стула и вытянул ноги. Не нравилась ему нынешняя служба. В полку он был «господином капитаном», командиром роты численностью в полторы сотни штыков, а здесь во дворце он всего лишь «эй, капитан», мальчик на побегушках, пусть и у самого императора.

И с сослуживцами отношения не складывались. Причисленные к свите офицеры продолжали носить форму своих прежних полков. В ряду изукрашенных гвардейских мундиров мундир армейского пехотного капитана смотрелся непрезентабельно, даже несмотря на то, что пошит был из самого дорогого сукна. И служба адъютантская им нравилась. А что? Столичная жизнь, служба сил и времени требовала немного, ответственность минимальная, близость к императору опять же.

Да и жизнь дворцовая была полна скрытых ловушек и подводных течений. Требовалось четко знать, кто, несмотря на скромный сюртук, имеет вес при дворе, а кто, будучи весь увешан орденами, и при больших звездах на погонах, всего лишь пустое место. Только к концу второго месяца в новой должности Алекс начал хоть немного ориентироваться в хитросплетениях дворцовых интриг.

Дверь императорского кабинета начала открываться, капитан Магу торопливо поднялся со стула, приветствуя выходящего генерал-квартирмейстера. Скоблин пребывал в состоянии глубокой задумчивости. Остановившись у стола, генерал взглянул на Алекса.

– Как служба, капитан? Не скучаете после гохарских приключений?

– Никак нет, господин генерал-лейтенант! Привык уже.

– А мне думается, что этот стул для вас слишком мал. Не провожайте меня, выход я и сам сумею найти.

После ухода генерала Скоблина Алекс планировал некоторое время расслабиться в мягком кресле, стоявшем в приемной, но требовательный звон императорского колокольчика заставил его оторвать зад и явиться в кабинет Александриса II.

Несколько томительных секунд император молчал. Да и вообще, вид у него был, будто правитель огромной империи отягощен какими-то тяжелыми думами.

– Садитесь, капитан.

А вот это уже что-то новенькое! Обычно адъютанты в кабинете надолго не задерживались. Получил указание, и «аллюр три креста» выполнять. В голову Алекса холодной змеей вползла мысль: «Неужели уже знает». Капитан осторожно, стараясь не производить лишнего

шума, опустился на краешек стула. А Александрис продолжал молчать, и это угнетало все сильнее. Наконец, он заговорил.

– Про нашу неудачу под Коварной уже знаете?

Алекс хотел было вскочить, но удержанный взмахом императорской ладони остался на месте.

– Так точно, ваше величество!

«Еще не знает». Алекс облегченно вздохнул.

– Для исправления дел в Палканскую армию отбывает генерал Скоблин, он и примет командование ею.

Новость, безусловно, была хорошей. Если кто и сможет переломить неблагоприятную ситуацию, сложившуюся на Палканах, так это молодой и перспективный генерал-квартирмейстер. Но при чем тут флигель-адъютант капитан Магу? Для его ушей эта информация была явно лишней. Тем более что данное решение было принято в этом кабинете не более четверти часа назад, и Алекс Магу стал третьим, кто о нем узнал.

– Вместе с ним, – продолжил император, – отправится наследник со своей свитой.

Тоже вполне логичное решение. Пора уже наследнику в званиях расти и ордена получать. Палканы для этого сейчас самое лучшее место. Ну и свите, естественно, тоже много чего перепадет без малейшего риска для здоровья. Ну, если только кто-нибудь печень посадит от неумеренных возлияний.

– А там все-таки война, и не мне вам объяснять, что на войне может произойти всякое. Так уж получилось, что из моих флигель-адъютантов вы единственный, кто знает, как свистят пули над головой и где искать укрытие от шрапнели.

Алекс второй раз хотел вскочить со стула, но Александрис опять жестом удержал его.

– Знаю, что ваше отношение к наследнику после недавней истории, скажем так, неоднозначное, но сейчас не время вспоминать старые обиды, речь идет о судьбе Руоссийской империи. Я мог бы приказать вам как император, но я прошу вас как отец – отправиться в свите наследника в Палканскую армию и позаботиться о сохранении его жизни.

Такая просьба из уст императора дорогого стоила. Сейчас Алекс увидел перед собой уже не молодого мужчину, придавленного грузом забот огромной империи, войной, а теперь еще и беспокойством о судьбе своего старшего сына. Капитан Магу все-таки успел вскочить со стула, сидеть в присутствии императора было крайне непривычно, стоя он чувствовал себя намного комфортнее.

– Ваше величество, клянусь. Все, что будет в моих силах, сделаю.

– Спасибо, капитан. У вас есть ко мне какие-либо просьбы?

– Есть, ваше величество. Могу я взять с собой денщика?

– Разумеется. Берите кого хотите.

– Осмелюсь спросить, ваше величество, когда планируется отъезд?

– Через три дня.

Три!!! Три дня на сборы наследника и его свиты! Обычно такие сборы длились не меньше трех недель. А бывало, и в три месяца не укладывались.

– Вам хватит этого времени на сборы?

– Так точно, ваше величество!

– Ступайте, капитан. Даст бог, ваша помощь наследнику не потребуется.

И только выйдя за дверь, Алекс осознал, что судьба в лице императора дает ему великолепный шанс покинуть столицу под благовидным предлогом и на длительное время. А там, глядишь, княжну все-таки выдадут замуж куда-нибудь подальше и эта история всеми позабудется. Главное, чтобы за эти три дня никто из ее участников не натворил новых глупостей. Довольный таким развитием событий Алекс плюхнулся в кресло, где предался блаженному ничегонеделанию в ожидании весьма нескорого окончания своего дежурства.

Сменившись, Алекс спешно отправился домой, путь ожидался неблизким, а возвращение нескорым. Фелонова он застал в отведенной ему комнатухе, где тот бессовестно храпел даже не подумав запереть дверь.

– Рота, подъем! Сколько можно спать? Вставай, нам предстоит долгий путь.

– Куда? – не разлепляя глаз поинтересовался отставной унтер.

– На войну.

Фелонов резво перешел из полностью горизонтального положения в сидячее.

– Что? Опять на войну?

– Опять. Или ты чем-то недоволен?

– Если бы ты меня в кабак позвал, а потом к бабам, я был бы доволен, но война тоже сгодится. Когда выезжаем?

– Через три... Нет, уже через два дня. Собраться успеешь?

– Мне собраться – только подпоясаться. Да, еще патроны для револьвера надо купить, деньги нужны.

Капитан отсчитал нужную сумму. Потом были разговор с отцом и длительное объяснение с матерью. Ирен Магу успокоилась только после того, как взяла с сына клятву ни в какие перестрелки с противником не вступать, в авантюры не ввязываться, и вообще, от свиты наследника ни на шаг не отходить.

Только за час до полуночи капитан смог приступить непосредственно к сбору необходимых в дороге вещей. Утром Алекса разбудила горничная.

– Вас дама спрашивают.

– Кто такая?

– Не представилась и лицо капюшоном плаща прикрывает.

«Господи, неужели эта дурочка приперлась сюда?! Нет, не может быть. Чтобы сюда прийти, нужно совсем разума лишиться. Да и горничная вряд ли назвала бы Мари дамой. Нет, это не она».

– Сейчас приду.

Накинув халат, Алекс направился в гостиную. Это действительно была не она, хотя фигурка очень даже миленькая и, кажется, знакомая.

– Чем могу служить, мадемуазель?

– Мадам.

Женщина сбросила капюшон. Капитан не сразу узнал ее.

– Баронесса Люменкрофт?!

Вместо легкомысленной попрыгуньи перед ним стояла серьезная, сосредоточенная женщина с озабоченным выражением на лице.

– Что-то случилось, мадам?

– Случилось. У моего мужа пропали важные документы. И я подозреваю, что их похитил мой любовник. Прошу вас, помогите мне их вернуть!

– Но при чем здесь я? Попробуйте обратиться к мужу, он поймет...

– Как вы не понимаете, я не могу ему открыться! Он прощает мне все измены, но здесь затронуты дела его службы. Я в отчаянном положении, Алекс! Прошу, помогите мне! Мне просто больше не к кому обратиться!

Ну разве можно было отказать женщине с такими умоляющими и беззащитными глазами. А как волнительно вздымалась ее грудь, обтянутая тонким атласом.

– Но что я могу сделать для вас? Если я вызову его на дуэль и убью, то вряд ли он носит эти бумаги при себе.

Опытная женщина почувствовала слабость, данную молодым офицером, и тут же усилила свой натиск:

– Алекс, умоляю! Придумайте что-нибудь!

Ах, эти бездонные глаза с поволокой... Проклиная свою податливость, Алекс спросил:

– Скажите хотя бы, кто он.

– Штаб-капитан Белосветский, из гвардии. Так вы мне поможете?

– Попробую, – буркнул офицер, отлично понимая, что ввязывается в историю, не сулящую ему ничего хорошего, – но ничего не обещаю. И мне хотелось бы знать обстоятельства дела.

– Конечно, конечно, – оживилась баронесса, мгновенно приняв деловой и озабоченный вид. – С вечера документы были в кабинете у мужа, он с ними работал. На ночь он запер их в шкапулке. Утром они ему зачем-то понадобились, и он прислал за ними секретаря, а когда шкапулку открыли, там их не оказалось.

– Но почему вы подозреваете именно своего любовника, вы же все время были с ним?

– Он дважды выходил. Один раз отсутствовал довольно долго. Всю прислугу в доме муж набирал сам, случайных людей среди них нет, и никогда ничего подобного не случалось, а тут такое!

– Я все понял, баронесса. И сделаю все возможное.

Лицо женщины посветлело, она даже позволила себе улыбнуться.

– Мою благодарность можете получить в любой момент. Только поторопитесь, Алекс, пока мои активы не начали увядать.

Баронесса ухитрилась встать как-то так, что ее и без того выдающиеся активы, которым было еще очень далеко до увядания, обозначились еще более явно.

– Я бы предпочел благодарность в иной форме.

– Это в какой же? Я готова на всё!

– Пока не знаю. И сначала надо сделать дело. Возвращайтесь к себе, мадам, как только будет хоть какой-нибудь результат, я извещу вас.

Поскольку фамилия подозреваемого ничего Алексу не говорила, он быстро оделся и направился к своему знатоку столичной гвардии. Капитан Червонозерский только встал и сейчас изволил кушать свой утренний кофе. Алекс с ходу перешел к главному.

– Ты штаб-капитана Белосветского хорошо знаешь?

– Не то чтобы очень близко, но все-таки в одном полку служим. А что случилось?

– У министра двора пропали важные документы и твой знакомый – основной подозреваемый.

Магу изложил Анатолю все известные обстоятельства.

– Нет, только не Белосветский, – воскликнул гвардеец. – Не могу представить себе причин, которые бы побудили его пойти на такое!

– Какие у него увлечения?

– Обыкновенные. Водка и дамы. Причем предпочитает замужних.

– Карты?

– Бывает, но по мелочи и без азарта.

– Долги есть?

– Алекс, где ты видел гвардейского офицера и без долгов? Но тоже ничего серьезного. У его отца имение, по-старому считай на десять тысяч душ, и не в залоге.

– Да, действительно, непонятно зачем ему потребовалось, – согласился Алекс.

– А давай поедem к нему, – предложил Анатолю, – и спросим его прямо, уверяю тебя, он здесь ни при чем!

– Не вижу другого выхода, – согласился Алекс, – поехали!

Штаб-капитан Белосветский – видный мужчина с черными, пышными усами, пребывал в отличном расположении духа и визиту незваных гостей обрадовался.

– Проходите, господа, проходите. Прощу прощения, только что встал.

– Весело провели ночь? – поинтересовался Анатолю.

- Не то слово, дамочка попалась весьма темпераментная, выжала меня как лимон.
- Это вы о баронессе Люменкрофт? – не удержался от вопроса Алекс.
- О ней. А вы откуда знаете?

– А мы, собственно, именно по этому поводу к вам и пришли. Капитан Магу, флигель-адъютант его величества. Видите ли, у министра барона Люменкрофта в ночь вашего... э-э... визита пропали важные документы. Пока что расследование ведется частным порядком, и я советую вам ответить на мои вопросы, если не хотите пообщаться по этому поводу с жандармами.

После этих слов Белосветский побледнел.

– Я... Господин капитан, уверяю вас, я к этому делу не имею ни малейшего касательства. Клянусь.

- Ночью вы выходили из спальни баронессы?
- Два раза. Один раз в уборную и второй покурить, баронесса в спальне не позволила.
- Вы проходили через коридор, ведущий к кабинету министра?
- Да, проходил.
- Никого не встретили?
- Никого, господин капитан, – заверил Алекса Белосветский.

– Благодарю за помощь в расследовании, господин штаб-капитан. Лично я убежден в вашей непричастности к данному инциденту. Надеюсь на ваше благоразумие в том, что вы не станете придавать огласке наш визит и свое участие в этой истории.

– Буду нем, как рыба. Могу я со своей стороны рассчитывать, что все это не скажется на моей дальнейшей службе?

- При условии сохранения тайны, безусловно, можете.

На этом оба офицера откланялись. На выходе Анатолий поинтересовался:

- И что тебя убедило в его невинности?

– Видишь ли, судя по ситуации, как ее описывает баронесса, бумаги эти потребовались барону внезапно, если он их не сразу с собой взял, а прислал за ними секретаря. Тот, кто их украл, рассчитывал, что кража не вскроется, по крайней мере, до сегодняшнего вечера. Это был кто-то, кто очень хорошо знает привычки министра. То есть он из прислуги или домочадцев барона. А Белосветский оказался там случайно.

- Звучит убедительно, – согласился гвардеец. – Тогда зачем мы здесь?

- Надо же было проверить версию госпожи министерши.

- Что думаешь делать дальше?

– Поеду к баронессе. Надо уточнить некоторые детали. Скорое обнаружение пропажи нарушило планы похитителя, есть шанс, что украденные бумаги еще не покинули пределов особняка Люменкрофтов.

- Я тебе больше не нужен? Не хотелось бы светиться в этой истории, сам понимаешь...

- Понимаю. За помощь – спасибо.

Анатолию Червонозерскому еще карьеру в гвардии делать, а если эта история вскроется, все шло именно к этому, то участие в ней может бросить тень на его репутацию.

По дороге в особняк Люменкрофтов Алекс заехал домой за Фелоновым. Опыт отставного унтер-офицера мог пригодиться в случае, если придется учинять обыск. Вот только как это сделать втайне от старого барона? Карета остановилась у парадного подъезда, минуту спустя Алекс энергично дергал шнурок дверного колокольчика. Довольно долго ничего не происходило, наконец, из-за дверей донесся голос:

- Никого не принимаем!

- Сообщите госпоже баронессе, к ней капитан Магу, флигель-адъютант его величества!

Последнее Алекс добавил, чтобы придать веса собственной персоне, пусть хоть немного пошевелиятся. А в ответ – тишина. Даже непонятно, слышали его или нет. Оставалось только

ждать и надеяться, что известие о визите до баронессы все-таки дойдет. Ждать пришлось довольно долго. Наконец, дверь открылась. Из нее вышел пожилой мужчина в старомодной ливрее, согнулся в почтительном полупоклоне и сделал приглашающий жест.

– Барон Люменкрофт ждет вас, господин капитан.

Судя по этим словам и наглухо запертым дверям, его инкогнито раскрыто, а участие в поисках пропавших документов перестало быть тайной для министра. Фелонова оставили в гостинной, а капитан следом за слугой поднялся на второй этаж. А вот и тот самый коридор, в который выходят двери спальни баронессы, но слуга остановился у другой двери.

– Прошу вас, господин капитан.

Барон в кабинете был один. Сидел, откинувшись в кресле за массивным резным столом, надо полагать, простоявшем на этом месте не один десяток лет. Несколько секунд министр двора и флигель адъютант рассматривали друг друга, будто увиделись впервые. Только сейчас Алекс понял, насколько барон стар. Или это последние события на него так повлияли? Наконец, раздался его скрипучий голос:

– Биргет мне обо всем рассказала. Признаться, очень удивлен вашим участием в этой истории, капитан. Насколько мне известно, вы один из немногих, кто смог устоять перед чарами баронессы. Или моя информация уже устарела?

– Не устарела, господин барон, в этом отношении все остается по-прежнему. Но может, вас больше заинтересует результат моего визита к штаб-капитану Белосветскому?

– Это я и так знаю, он здесь ни при чем.

– То есть вы пришли к выводу, что кражу совершил кто-то из постоянных обитателей этого дома?

– Да. И даже попытался установить, кто именно, но все бесполезно. Никто ничего не видел, улики никаких. Никогда не думал, что придется уйти в отставку с таким позором.

– Все настолько серьезно, господин барон?

– Даже серьезнее, чем вы можете себе представить.

– Так, может, все-таки попробовать разоблачить злоумышленника и попытаться вернуть бумаги?

– Как? Я даже не могу официально обратиться к жандармам. Впрочем, если хотите поиграть в сыщика, капитан, то я не возражаю, мне уже все равно. Часа три-четыре у вас еще есть.

Из этих слов министра Алекс сделал вывод, что необходимые полномочия им получены. Первой его мыслью было сразу обыскать особняк, но от нее пришлось отказаться. Мало времени, еще меньше сил для обыска, да и запаниковавший похититель мог просто уничтожить документы, что было равносильно поражению. Нет, сначала следовало изобличить злоумышленника, а уж он-то точно знает, где спрятаны бумаги. Но как его изобличить?

– Господин барон, кто имеет доступ в ваш кабинет?

– Кто угодно. Кабинет не запирается, в двери замка нет, только внутренняя задвижка. Родственники, прислуга, даже садовник. Круг подозреваемых слишком велик.

Алекс подошел к стоявшей на столе шкатулке красного дерева.

– Разрешите?

Барон кивнул. Капитан взял шкатулку в руки. Тяжелая. Попробовал открыть крышку – заперто.

– Можно открыть?

Барон протянул ключ. В шкатулке было пусто.

– Прошу прощения, господин барон, пропало все содержимое шкатулки?

– Нет, – проскрипел министр, – только одна папка. Остальное я приказал секретарю увезти во дворец и спрятать в сейфе.

Похоже, банальные вопросы самозваного сыщика начали надоедать старику, но остановиться Алекс уже не мог, он почуял след.

– То есть ваш секретарь покинул пределы особняка после кражи? Это весьма опрометчиво, он мог вывезти украденное с собой.

– Я доверяю ему абсолютно. Он проверенный человек. К тому же ночью его не было в доме, у него своя квартира.

– Вот такие, самые верные и проверенные обычно и предают, – изрек философское суждение Алекс. – А утром он шкатулку открывал в одиночестве?

– Да, – подтвердил министр, – он был один.

– Вот видите!

Алекс почувствовал себя охотничьей собакой, вставшей на свежий след. Но тут его осенила еще одна мысль.

– Пойдите! Для того чтобы открыть шкатулку, злоумышленник должен был иметь доступ к ключу от нее, а это очень уменьшает круг подозреваемых!

– Оставьте, капитан. Этот замок даже ребенок дамской булавкой откроет.

Алекс еще раз внимательно рассмотрел замок и ключ к нему.

– Не скажите, господин барон. Замочек, конечно, простенький, но на раз с ним без навыка, да без отмычки не справиться. Разрешите вашу лупу.

Осмотрев замок вооруженным глазом, капитан уверенно заявил:

– Нет, я решительно не вижу никаких следов взлома. Тот, кто украл документы, имел ключ или хотя бы его дубликат! А сколько всего ключей от шкатулки?

– Один. И его я постоянно ношу при себе.

– Но вы же не спите с ним ночью! Вы передавали его секретарю! Подумайте, кто еще мог его взять.

– Нечего тут думать, – вздохнул министр, – всего трое. Секретарь, мой личный камердинер и госпожа баронесса. Но как вы думаете найти среди них похитителя? Не пытаться же их всех, в конце концов!

– Знаете, господин барон, – оживился Алекс, – а это хорошая мысль. Я тут с собой одного отставного унтера прихватил – большой специалист по развязыванию языков! Он сейчас внизу в гостиной дожидается, пошлите за ним кого-нибудь.

От изумления брови министра полезли на лоб.

– Вы всерьез собрались их пытаться?

– А что? Не очень эстетично, конечно, зато чудо как действенно и быстро! Начнем, пожалуй, с камердинера. Если он не признается, то следующим будет секретарь. Ну а госпожу баронессу оставим, так сказать, на сладкое, – плотоядно ухмыльнулся Алекс. – Зовите его, господин барон, зовите, если не хотите в позорную отставку.

Министр дотянулся до стоявшего на столе колокольчика. На звон явился мужик в ливрее, барон приказал привести Фелонова. Когда они опять остались вдвоем, сидевший за столом старик взглянул прямо в глаза Алексу.

– Но вы же не думаете, что Биргет могла...

– Нет, конечно. В случае вашей отставки она теряет едва ли не больше всех. Сейчас она жена всесильного министра Двора его императорского величества, ей все двери открыты, каждый лизнуть норовит. А после вашей отставки ее даже на порог самого захудалого светского салона не пустят. С ее-то репутацией...

Сообразив, что наговорил лишнего, Алекс поспешно прикусил язык.

– Не скажу, что мне приятно слышать такое, – проскрипел министр, – но, по сути, вы правы. Тот, кто взял эти документы, целился именно в меня и отлично знал, что именно он берет.

– Именно поэтому я в первую голову подозреваю вашего секретаря. Вспоминайте, господин барон, чем вы так ему насолили, что он на такое дело пошел. Или он у вас на большие суммы в карты играет?

– Нет, он не картежник.

– Может, водку неумеренно пьет или опиум курит?

– Ни в коем случае! Это надежный, проверенный человек, без каких-либо пороков!

– А ваш камердинер?

Этот вопрос выпустил наружу все раздражение, скопившееся в господине бароне.

– Его предки служили еще моему прадеду! Я его знаю буквально с пеленок, он у меня на глазах вырос! Как он мог предать меня?! Как?! Да и в дворцовых интригах он никоим образом не замешан.

– Но он мог послужить инструментом в чьих-то руках, – возразил капитан. – Кстати, он никаких денежных затруднений не испытывал?

Барон только рукой махнул.

– Да какие у него могут быть затруднения! Хотя, подождите... В прошлом месяце он просил меня о прибавке жалованья.

– И вы ему отказали, – предположил Алекс.

– Ну почему же? Поднял, как он и просил. Да и просил он немного.

– А зачем ему эта прибавка понадобилась?

Министр только плечами пожал. Хотя это и его личный камердинер, у дворцового чиновника такого ранга других забот хватает. За каждым из прислуги не уследить.

– С него, пожалуй, и начнем, – принял окончательное решение капитан Магу. – Кстати, где он сейчас?

– Должен быть у себя. Я распорядился, во избежание огласки, никого из особняка не выпускать.

Алекс хотел было отметить разумность данной меры, но в это время ливрейный лакей доложил о доставлении отставного унтер-офицера Фелонова. Отослав обратно слугу, Люменкрофт внимательно рассмотрел возникшую в дверях внушительную фигуру.

– Это и есть ваш специалист, капитан?

– Он самый, господин барон.

– Да тут, похоже, и пытать никого не придется. Я бы от одного только его вида в чем угодно признался.

– Господин министр шутит. Значит так, – начал инструктировать подчиненного Алекс, – сейчас господин барон вызовет сюда своего камердинера. Надо узнать у него, не он ли украл важные документы.

– Всего-то? Узнаем, господин барон, не извольте сомневаться.

– Отставить! – вмешался капитан. – Для начала только припугнем.

– А ну, как он не признается?

– Тогда хватаешь его и тащишь в подвал. У вас есть в доме подвал?

– Есть, – кивнул барон.

– Тащишь в подвал, – продолжил инструктаж Алекс, – там продолжим допрос, только аккуратно и без членовредительства. Понял?

– Так точно, господин капитан.

Капитан Магу повернулся к министру.

– Зовите подозреваемого, господин барон. Мы готовы.

– Ладно, делайте что хотите.

Барон позвонил в колокольчик. На звонок явился ливрейный.

– Позови Маруса ко мне, – приказал Люменкрофт.

В ожидании подозреваемого Фелонов встал около двери так, чтобы оказаться за спиной у вошедшего. Алекс занял позицию перед столом, дабы тот не стеснял его маневра, и он мог быстро прийти на помощь унтеру.

В кабинет вошел средних лет мужчина, даже увидев в кабинете хозяина незнакомого офицера, остался абсолютно спокойным, ни один мускул на лице не дрогнул.

– Готов служить вашей милости, господин барон.

– Попался! – перехватил инициативу Алекс. – Вяжи его, Фелонов!

Камердинер оказался мужиком крепким, но долго противостоять отставному унтеру не смог. Кроме того, свою роль сыграли выгодная позиция и неожиданность нападения. Вмешательства капитана не потребовалось, слуга был скручен и поставлен на колени. Вот теперь он по-настоящему испугался.

– Говори, – капитан подскочил к камердинеру, схватил за волосы и потянул вверх. – Где документы? Нам все известно! Где ты их спрятал?! Говори!

– Я... я... я не брал!

– Что?! Возражать?!

Алекс заехал камердинеру в ухо. Голова камердинера мотнулась, он едва не упал, Фелонов удержал его.

– Признавайся! Ты взял?!

– Не брал! Не брал я!

– Упорствует. Фелонов, тащи его в подвал! Там каленым железом прижжем, все скажет!

Унтер начал вытаскивать камердинера из кабинета, но тот так отчаянно брыкался, что пришлось это делать вдвоем. И они уже почти справились, как вдруг тот обмяк и от него пошел характерный запах.

– Скажу, скажу, все скажу, – разрыдался камердинер.

– Где документы?

– В гардеробной, за шкафом спрятаны.

– Фелонов...

– Постойте, – из-за стола поднялся белый, как мел, барон Люменкрофт, – я сам.

Министр поднялся с кресла, нетвердой походкой вышел из кабинета, обогнув замершую у дверей троицу.

– Может, все-таки вытащим в коридор, – внес предложение Фелонов, – пока он барону ковер не испортил?

– Пусть сначала барон бумаги принесет, а на ковер плевать. Я думаю, все-таки хорошо, что мы не с секретаря начали.

Вернулся Люменкрофт с тонкой картонной папкой в руках.

– Это они?

– Да, все на месте.

А дальше министр Двора сделал то, чего от него никто не ожидал. Он опустился на колени перед лежавшим на ковре камердинером, не обращая внимания на исходивший от того неприятный запах.

– Марус, скажи мне, почему? Ты же столько лет верно служил мне. Чем я тебя обидел?

Только что успокоившийся слуга разрыдался вновь.

– Вы не обижали меня, ваша милость, это все деньги, проклятые деньги.

– Зачем тебе деньги, Марус? Я мало платил тебе?

– Нет, ваша милость, вы платили мне достойное жалованье, но мой сын... Вы же знаете, как долго мы ждали его! А теперь он... он заболел. На лечение нужны были деньги, очень большие деньги.

– Но почему ты не пришел ко мне?

– Я приходил, ваша милость, и вы подняли мне жалованье, но этого не хватало. Я не решился просить больше.

– Зато ты решился предать меня, Марус.

– Да, ваша милость, он сказал, что эти бумаги совсем не важны, их пропажи никто и не заметит, а заплатить обещал за все сразу.

– Но почему ты не вернул их, когда кража вскрылась?

– Я испугался, ваша милость...

Алекс помог барону подняться на ноги. Несколько секунд министр был погружен в тяжелые думы, потом огласил свое решение:

– Я оплачу лечение вашего сына, но вы больше не служите у меня, Марус. Покиньте мой дом немедленно. Господин капитан, проследите, чтобы он сделал это. Только дайте ему возможность переодеться в чистое. Я буду ждать вас здесь.

– Господин барон, он еще не назвал того, кто ему заказал кражу, – напомнил Алекс.

– Пусть уходит, – вяло отмахнулся от предложения министр, – я знаю, кто это сделал.

Рыдающего камердинера пришлось вести под руки, затем ждать, пока он переоденется и соберется. Наконец, его выставили за дверь. Во время этой процедуры вся прислуга попряталась, только ливрейный лакей вынужден был повсюду ходить за ними до самого конца.

Барона Люменкрофта капитан Магу застал в состоянии черной меланхолии.

– Откройте вон тот шкафчик, капитан. Налейте старику рюмочку. И себе заодно.

Выпили, не чокаясь и не закусывая.

– Вы знаете, капитан, – старика потянуло на откровенность, – до сегодняшнего дня я считал себя человек умным, опытным и с прочным положением в обществе. А сегодня вдруг выяснилось, что ничего я о жизни не знаю, и все мое положение может быть разрушено в один момент. Мне даже не к кому было обратиться за помощью. Вот так. Я уже и с отставкой своей смирился. И тут появились вы. И спасли меня.

Внезапно Люменкрофт поднял голову, посмотрел Алексу прямо в глаза и спросил:

– Скажите, капитан, какой вывод вы сделали из сегодняшних событий?

Вопрос застал офицера врасплох.

– Я... э-э-э... Полностью доверять нельзя никому. Пожалуй, так.

– А я понял, что нужно быть добрее и внимательнее к людям, которые тебя окружают, надо заботиться о них.

– Может, еще по одной? – предложил Алекс.

– Не стоит, мне сегодня еще на службу надо прибыть. А вы, если хотите, можете выпить еще.

«Да, силен старик, после всех сегодняшних переживаний еще и на службу собрался».

– А может, не стоит сегодня на службу, господин барон?

– Стоит, капитан, стоит. Я слишком долго терпел его, но сегодня он перешел все границы. Я смешаю его с грязью, я его уничтожу, я его...

В пальцах барона хрустнул сломанный карандаш.

– Простите, капитан. Хотя ваши методы чрезвычайно действенны, они неприемлемы для меня, придется по старинке, с помощью нашей руссической бюрократии. А какую награду хотите получить вы? Денег не предлагаю, вряд ли у меня найдется сумма, достойная человека, носящего фамилию Магу. Но вот орден, следующее звание, должность, какую хотите, даже титул. Все это в моих силах.

– Право, даже не знаю, чего можно пожелать в такой ситуации. Хотя нет, знаю. После завтра я отправляюсь на Палканы в свите наследника, а по возвращении хотел бы получить должность ротного командира в действующей армии.

– Весьма скромное желание, – барон позволил себе едва заметно улыбнуться. – Адъютантский аксельбант жмет или хотите оказаться подальше от княжны? Да не бледнейте вы так, чего только не бывает между молодыми людьми. Главное, чтобы это не переросло в устойчивую связь. Впрочем, это совсем не мое дело, будет вам должность. С императором я все решу.

Барон поднялся, давая понять, что аудиенция закончена, протянул на прощание руку. Рука у министра оказалась сухой и неожиданно сильной. Похоже, старик еще не один год проскрипит, а врагам его придется туго.

– Честь имею, господин барон, – откланялся Алекс.

«Если барон знает, значит, слухи о моем посещении великокняжеской спальни уже поползли. Эх, пережить бы только завтрашний день, а там я буду уже недосыгаем. К моменту же моего возвращения, эта история забудется, найдутся другие поводы для сплетен». Капитан Магу сбежал по лестнице вниз, где его ждал Фелонов.

– Влад, ты не против, если мы не просто прокатимся на Палканы в свите наследника, а на некоторое время задержимся там?

– Можно и задержаться, а то я тут скоро ото сна опухну.

– Тогда вперед, мой храбрый Фелонов, враги уже заждались нас!

– Считай, что уже дождались, – пробурчал отставной унтер.

Ливрейный лакей закрыл за ними дверь особняка Люменкрофтов.

Наследнику выделили целый литерный поезд, включавший сразу два салон-вагона. В одном разместился сам наследник с особо приближенными лицами, во втором – генерал-лейтенант Скоблин со своими офицерами. Оставшиеся вагоны первого и второго класса были заняты многочисленными офицерами, сопровождавшими высоких персон. Алекс прикинул, что одним только этим поездом можно было полностью укомплектовать офицерский штат пехотной дивизии и еще на пару батальонов хватило бы точно.

За первым следовал второй литерный поезд, состоявший из пассажирских вагонов третьего класса и обычных двухосных теплушек. В нем следовала многочисленная обслуга свиты наследника: денщики, повара, конюхи. Были даже свои сапожник, шорник и парикмахер. Теплушки были заняты лошадьми господ офицеров. В одном из вагонов третьего класса трясся на стыках отставной унтер-офицер Фелонов.

Капитану Магу досталось купе в вагоне второго класса первого литерного. Делить его пришлось с капитаном Троеградским. Будучи на два года старше по выпуску, свитский капитан смог повесить на грудь только Станисласа третьей степени, коий давался за особые заслуги или беспорочную выслугу лет. Свой орден он получил за образцовое выполнение заданий командования, выразившееся в подготовке ипподрома к скачкам на приз Императора, после чего почти сразу был причислен к свите наследника.

Похоже, сей достойный офицер испытывал некоторую закомплексованность на почве отсутствия боевых наград. И сейчас, когда неожиданно появилась реальная возможность, недостаток своей карьеры исправить, он ни о чем другом говорить не мог.

– Егорииев, как у вас, нам, конечно, не видать. Ближе пары верст нас к османцам не подпустят. А вот Владислава за взятие Коварны вполне могут дать. Как вы думаете, господин капитан?

– Не знаю. Вполне возможно.

– Да хоть бы и Аннету четвертой степени. Главное, чтобы непременно с мечами. Без мечей как-то не комильфо, выйдет, что зря в такую даль ездили.

И далее все в том же духе. Уже через два часа эти разговоры смертельно надоели Алексу, и он, извинившись, вышел в коридор и остановился у окна. Из тамбура тянуло табачным дымом. В одном из салонов штабные обсуждали планы на будущую кампанию, в другом дым стоял коромыслом. Наследник, вырвавшийся из под опеки и жены, и отца, гулял по полной.

Флигель-адъютанта Магу на пирушку не пригласили, что, по сути, являлось умалением достоинства. Но Алекс на них не обижался, в свите наследника его наверняка считали шпионом, приставленным к наследнику Александрисом, чтобы доносить в столицу о его поведении и всех неблагоприятных поступках. Потому и не позвали. А поскольку ничего большего,

чем похмелье, наследнику не грозило, Алекс на приглашении настаивать не стал. Да и самому капитану смотреть на эти пьяные рожи не было никакого удовольствия.

– Разрешите пройти, господин капитан.

Алекс обернулся и тут же вытянулся, прижавшись спиной к вагонному окну.

– Здравия желаю, господин генерал-лейтенант!

В коридоре стоял новый командующий Палканской армией генерал-лейтенант Скоблин. За генералом следовали несколько штабных офицеров.

– Как вам новая служба, капитан?

– Привыкаю, господин генерал-лейтенант!

– По настоящему делу не скучаете?

– Есть немного, – признался Алекс.

– Если из флигель-адъютантов отчислят – обращайтесь. Дело для столь доблестного офицера всегда найдется.

– Благодарю за заботу, господин генерал-лейтенант!

Скоблин хотел было двинуться дальше, но передумал и задержался.

– У меня с господином полковником, – генерал указал на стоявшего рядом с ним полковника с академическим значком на мундире, – возник спор. Я хочу взять Коварну до наступления зимы, а он предлагает подождать до весны. Каким будет ваше мнение?

– Коварну нужно брать немедленно, – выпалил Алекс.

– А вот полковник Гупский полагает, что за зиму можно будет пополнить потери, подтянуть дополнительную осадную артиллерию, снаряды подвезти. Обоснуйте свое решение, капитан.

– За зиму санитарные потери в нашей армии превысят любые потери при штурме, господин генерал-лейтенант!

Скоблин победно взглянул на штабного полковника. Тот что-то невнятно пробурчал на тему младенца и истины.

– Заметьте, это вам говорит офицер, еще три месяца назад участвовавший в штурме Арса! Генерал Новославский рискнул с ходу пойти на решительный штурм, и Арс – наш. А вам, дай волю, так вы с Коварной еще три года возиться будете! У вас солдаты к тому времени закончатся! Благодарю за поддержку, господин капитан!

Алекс так и не понял, всерьез это генерал сказал или пошутил, но ответил строго по уставу:

– Рад стараться, господин генерал-лейтенант!

Штабные офицеры проследовали в другой конец вагона. Когда его миновал последний, капитан смог выдохнуть. Да, похоже, недолго осталось капитану Троеградскому ждать исполнения своего заветного желания. Будет ему орден и непременно с мечами. «Надо будет порадовать человека. Может, тогда он хоть ненадолго заткнется».

Не заткнулся. Правда, орденскую тему все же оставил в покое, зато принялся пересказывать Алексу последние дворцовые сплетни, которые его нисколько не интересовали. Алекс учтиво кивал, слушая свитского капитана, и старательно пропускал его слова мимо ушей. Но вдруг его зацепила мелькнувшая в словах Троеградского знакомая фамилия.

– Что? Повторите, что вы только что сказали.

– Я сказал, что тот, которого некоторые прочили на место министра Люменкрофта, буквально вчера попал в опалу, и император отослал его в имение, запретив появляться в столице! Шаросвятского, представляете!

Алекс не представлял. Нет, фамилию эту он неоднократно слышал, но понятия не имел, что собой представляет ее обладатель. Зато недавно он немного узнал второго.

– А с чем связана опала, не знаете?

– Доподлинно не знает никто. Но был слух...

Свитский капитан почти перешел на шепот, как будто кто-то мог их сейчас подслушивать.

– Шаросвятский умышлял покуситься на достоинство императорской фамилии.

Под этой туманной формулировкой могло скрываться все, что угодно, в том числе и истинная причина опалы. Не иначе барон Люменкрофт сдержал свое обещание, представив императору нечто компрометирующее его противника по дворцовым интригам. И горе побежденному.

Глава 2

От последней станции Юго-Западной железной дороги пришлось передвигаться верхом. Во главе длинной колонны, блестящей обильным золотом погон, ехал здоровенный молодой мужчина с опухшим от долгого путешествия лицом. Конь наследника был под стать всаднику – огромный медлительный тяжеловоз. У этого коня было только одно достоинство – он десять часов кряду мог нести на своем хребте даже такого тяжелого всадника, как великий князь Александрис. Молодая, горячая кобылка капитана Магу, взятая из отцовской конюшни, двигалась в самом конце процессии.

За все время поездки по железной дороге он так и не смог наладить отношения с остальными свитскими, с ним разговаривали, но только на служебные темы. И только капитан Троеградский болтал без умолку. Этот недалекого ума офицер был настоящим кладом столичных сплетен и слухов. Теперь он посчитал своим долгом все их пересказать Алексу, пока они еще не потеряли свежесть.

– А княжна Мари, дочка князя Николоса, спуталась с каким-то провинциальным офицериком. Представляете, великая княжна и никому не известный офицер из всеми забытого полка! Эта дурочка чуть ли не замуж за него собралась, а он... он...

Троеградский с трудом сдерживал смех.

– Что он? – не выдержал Алекс. – Говорите же, наконец!

– Он от нее сбежал! Сбежал, представляете?!

Не сбежал, а отбыл по служебной необходимости, если уж на то пошло. Справедливости ради следовало отметить, что отбытию этому он ничуть не противился, но и сам бежать не пытался. Просто так все совпало. Еще можно было понять, что в светских, сильно искаженных сплетнях фамилия офицера не фигурировала. Следовательно, опасность стать всеобщим посмешищем капитану Магу пока не грозила. Нет, кому по должности положено, те знали все. Но и они такие вещи всеобщим достоянием делать не станут, если сам виновник будет вести себя правильно. Барон Люменкрофт на это весьма прозрачно намекнул.

К счастью, Троеградский тему сплетен на некоторое время отложил.

– Вы только посмотрите, какая красота!

Кавалькада выехала на берег широкой полноводной реки, неторопливо несущей в Южное море, темные и по-осеннему уже холодные воды. А за рекой уже виднелись покрытые снежными шапками вершины Палканских гор, такие обманчиво близкие и далекие одновременно. Зрелище было очень впечатляющим.

Через Надуй переправились по построенному русскими саперами наплавному мосту. Над простором реки гуляли порывы холодного ветра, напоминавшие о скором пришествии зимы. Копыта лошадей простучали по доскам деревянного настила, и свита въехала на землю, которой османцы завладели три с лишним сотни лет тому назад.

Первое, что бросилось в глаза – нищета городков и деревень, через которые проезжала свита. А дороги были даже хуже русских.

– И как они только так живут? – не переставал удивляться Троеградский.

Местные жители свиту великого князя встречали хоть и без восторга, но довольно дружелюбно, в основном кислым слабым вином, от которого у Алекса была изжога. Александрис же поглощал его в больших количествах, ухитряясь не пьянеть при этом.

Вскоре дорогу со всех сторон обступили горы, а она поднималась все выше и выше. Многие русские – исконные жители равнин, впервые попали в горы и чувствовали себя неуютно. Решив, что пришла пора приступить к исполнению своих основных обязанностей, Алекс собрался с духом и во время очередной остановки на ночь испросил аудиенции у великого князя.

К удивлению капитана Магу, Александрис изволил принять отцовского флигель-адъютанта, и даже выслушал его. Но от предложенных Алексом мер безопасности наследник решительно отказался.

– Ни о какой маскировке не может быть и речи! Мы находимся на территории, занятой руоссийскими войсками. И эти войска должны видеть, что к ним прибыл наследник престола, а не какой-то никому не ведомый полковник.

В этом Александрис был прав, но хотя бы передовой дозор можно было выставить! Вполне разумное было предложение. Хоть и считается, что данная территория контролируется руосийцами, но вокруг горы, все проходы и тропинки перекрыть – никаких войск не хватит.

Буквально на следующий день в сознании многих свитских начали происходить значительные изменения. Уже несколько раз свита обгоняла неторопливо ползущие к Коварне обозы, еще чаще попадались встречные. А в это утро на дороге им встретился санитарный транспорт. После того, как фургоны с ранеными солдатами миновали свиту, утративший свою постоянную болтливость капитан Троеградский произнес только одну фразу.

– Господи, неужели и со мной может произойти?!

И это были уже обработанные и подготовленные к транспортировке раненые. С тщательно скрываемым злорадством Алекс наблюдал, как резко изменились лица свитских. До них наконец-то начало доходить, что разница между этой поездкой и выездом на Большие осенние маневры заключается не только в расстоянии, которое требуется преодолеть.

А затем произошло совсем уже необычное. Сначала к наследнику приблизился начальник конвоя, после чего два десятка кавалеристов выдвинулись вперед по ходу движения свиты. По крайней мере, вероятность попасть в засаду существенно снизилась.

Но к счастью, никаких засад на пути свиты не встретилось, и к исходу восьмого дня пути достигли Ясена – крохотного селения в восьми верстах от Коварны, где сейчас располагалась ставка руоссийской армии, осаждающей крепость.

Коварна была не только сильно укреплена, но и очень удобно расположена для обороны. В этой долине, которую крепость перекрывала полностью, сходились отроги двух горных хребтов. За три месяца осады успехи руоссийской армии были более чем скромными – удалось выйти на линию внешних фортов и захватить один из них. Захватить-то захватили, а вот удержать не удалось. Во время контрштурма гарнизон Коварны сумел вернуть форт. Более того, очень трудно было перехватить пути внешнего снабжения. Османийцы, через горные перевалы, имели возможность восполнять потери гарнизона, доставлять продовольствие и боеприпасы.

А крепость эта была очень нужна руосийцам. Взятие Коварны высвобождало сорокатысячную осадную армию и значительно сокращало пути снабжения руоссийских войск на себрийском направлении. Потеря Арса привела к потере всего одного бедного пашалыка на самой дальней окраине империи, падение Коварны означало потерю довольно богатой области, а главное, открывало руосийцам путь к столице империи и проливам. Поэтому османийское командование не жалело сил и средств для удержания крепости. В окрестностях города, о котором еще год назад мало кто слышал, назревали кровавые события.

В окрестностях Коварны все, что имело стены и крышу, было занято войсками на постой. Прибытие еще более сотни свитских и штабных офицеров вынудило местных отдать им самое лучшее жилье, а самим частично переселиться в палатки. Этот факт не способствовал установлению дружественных отношений между офицерами, тем более что утро уже встречало хрустом льда в замерзших лужах.

Алекс приоткрыл низенькую скрипучую дверь и заглянул внутрь. Каменный дом под крышей из старой, потемневшей соломы встретил его полумраком. Свет проникал через крохотные, грязные окошки.

– Какого черта?! Не держите открытой дверь, тепло уходит!

Капитан торопливо шагнул внутрь и закрыл за собой дверь.

– Прошу прощения, я определен сюда на постой.

Лежавший на низеньком топчане, застеленном солдатским одеялом, офицер сменил положение на сидячее. На нем был мундир с погонами подполковника и академическим значком.

– В таком случае добро пожаловать. Располагайтесь. Подполковник Светлорецкий, старший квартирмейстер штаба шестой пехотной дивизии.

– Капитан Магу. Флигель-адъютант его императорского величества.

– И за что вас к нам сослали?

– В свите наследника считают, что император меня к ним доносчиком приставил, вот и разместили подальше от себя.

– А их домыслы соответствуют действительности?

– В какой-то степени, – не стал углубляться в подробности Алекс.

Несмотря на весьма скудное освещение, квартирмейстер сумел разглядеть некоторые детали.

– А почему, господин капитан, на вас мундир пехотный?

– Потому что до недавнего времени я в девятнадцатом полку ротой командовал. Оттуда во флигель-адъютанты и был взят.

– А я, признаться, думал, что офицеры с такой фамилией серой пехотной скотинкой брезгуют. Ладно, не обижайтесь. Это все хандра после неудавшегося штурма. Иконостас у вас, смотрю, знатный. Ого! Два Егория, Владиславы, Аннета, и все с мечами! Давно из училища выпущены?

– Этим летом пятый год пошел.

– Да бурная у вас была служба!

– Разная, господин подполковник, иногда и скучать приходилось. А с орденами фамилия помогает.

– Это как?

– Офицера с такой фамилией просто невозможно не отметить в любом деле.

– Так я вам и поверил! Владиславы еще куда ни шло, но Егориев за фамилию точно не дают. Третью степень за что получили?

– За штурм Арса.

– А вот это уже интересно. Рассказывайте, капитан, не терпится узнать подробности из первых рук.

Больше часа Алекс удовлетворял профессиональное любопытство штабного подполковника. За окном постепенно стемнело, и квартирмейстер зажег свечу.

– А у нас тут дела невеселые, – начал делиться информацией о здешних делах подполковник. – Еще в июле можно было взять Коварну без особого труда, но не решились, ждали подхода резервов. За это время османийцы подготовили крепость к обороне, гарнизон увеличили втрое, новую артиллерию подвезли. Дважды пытались штурмовать. Народу положили – жуть, а толку никакого. У вас водка есть?

Алекс отрицательно покачал головой.

– Ну и ладно. Во время первого штурма только до третьей траншеи смогли войти. Османийцы дрались как бешеные. Как резервы закончились, пришлось отступить. Второй раз лучше подготовились, артиллерию осадную подвезли. Взяли один только форт. Тут османийцы будто с цепи сорвались. Шесть раз в штыки сходились, а все одно не удержались. Коварна открывает путь к Одреополю, где Агаджи-паша сейчас спешно формирует резервный корпус османийской армии. А Одреополь – ключ к проливам и самому Истанбулу. Вот османийцы и держатся за нее как только могут.

Подполковник извлек из кармана трубку, набил ее табаком.

– А что в свите говорят по поводу третьего штурма? Скоро будет?

– Думаю, скоро.

По комнате пополз сизый табачный дым, некурящий Магу поморщился.

– Не получится ничего. Потери не восполнили, снарядов не подвезли, дух у солдат низок.

Только опять людей зря положим.

– А у вас, надо понимать, есть план по взятию Коварны?

– Есть, – твердо заявил Светлорецкий, – я нашел слабое место этой крепости.

– И что же это за место? – заинтересовался Алекс.

– Ее гарнизон. Да-да. И не смотрите на меня, как на безумного. Хотите объяснений?

Извольте, капитан. Перед осадой османийцы увеличили гарнизон, а вот создать соответствующие запасы продовольствия не успели. На сегодняшний день текущие поставки едва закрывают текущие потребности.

– А это вам это откуда известно?

– Пленные, взятые во время второго штурма, показали, что незадолго до него им урезали рационы. К тому же в городе осталось довольно много гражданских, их запасы тоже должны подходить к концу. Если перехватить пути подвоза продовольствия, то Коварна не продержится и двух месяцев!

– И ваше командование об этом знает?

– Не имею понятия, – пожал плечами квартирмейстер, – рапорт я написал, начальник дивизии его завизировал и по команде отправил. Под каким сукном он сейчас лежит, то мне неизвестно. Да и не все так просто. Вот смотрите.

Подполковник сыпанул на патронный ящик, служивший импровизированным столом, горсть револьверных патронов.

– Это Коварна.

Город Светлорецкий обозначил дымящейся трубкой.

– Снабжение ее ведется через два перевала, Шиповский и Орканский. Для того чтобы их перекрыть, требуется взять Лочев и Тешель. Оба хорошо укреплены османийцами.

Квартирмейстер расставил на ящике патроны, указывающие на расположение названных объектов.

– Нет никаких препятствий для взятия Тешеля...

– Так почему же этого не было сделано до сих пор? – удивился Алекс.

– Зачем? Османийцы держат там трехтысячный гарнизон, который не участвует в отражении штурма. А пока не взят Лочев, толку от взятия Тешеля немного. Гарнизон Лочева еще меньше, всего тысяча штыков, но укрепления очень сильные, без осадной артиллерии его не взять, а через горы пушки не протасить.

– Но должна же быть приличная дорога к этому самому Лочеву!

– Есть, – кивнул Светлорецкий, – как не быть. Вот только ведет она через Коварну. Замкнутый круг получается. Чтобы взять Коварну, надо взять Лочев. Чтобы взять Лочев, нужно взять Коварну.

– И как разорвать этот круг?

– Это вам скажет любой лейтенант, едва взглянув на карту. Форт номер два.

Подполковник поставил на стол еще один патрон к востоку от своей трубки.

– Если этот форт будет в наших руках, мы сможем провести артиллерию к Лочеву мимо крепости.

– Тогда в чем проблема?

– В том, – усмехнулся квартирмейстер, – что османийцы тоже это знают. Во время последнего штурма они дрались как черти. Омар-паша сам повел своих солдат в контратаку. Мы в этом форте оставили полторы тысячи только убитыми.

С минуту Алекс смотрел на блестящие в свете свечи патроны, расставленные на ящике, и думал.

– Значит, форт номер два, Лочев с Тешелем и через два месяца Коварна наша. Не хотите изложить свой план генералу Скоблину лично? Я берусь устроить вам аудиенцию.

– Думаю, что генерал в сложившейся обстановке разберется не хуже меня. Да и мое начальство такое нарушение субординации не одобрит.

– Давайте сделаем так, – предложил капитан, – вы напишете рапорт и отправите его по команде. А я со своей стороны уведомя генерала Скоблина о его существовании. Если генерал сочтет нужным, он вас вызовет. Надеюсь, ваше начальство не сочтет это нарушением субординации.

– Я тоже на это надеюсь, господин капитан. Завтра к вечеру мой рапорт будет готов.

Подполковник Светлорецкий смахнул патроны с ящика в ладонь.

Ночью Алекса разбудили выстрелы. Он мгновенно вскочил со своего жесткого ложа, достал из висевшей у изголовья кобуры револьвер. Его сосед на ночную стрельбу отреагировал намного спокойнее.

– Спите, капитан, это башибузуки где-то шалят. Сюда они сунуться не рискнут.

Тем не менее Магу все-таки высунул нос на улицу, но только для того, чтобы убедиться в том, что Светлорецкий оказался прав – стрельба велась в стороне от Ясена и наследнику ничем угрожать не могла. Вернувшись в дом, Алекс запихнул «голд» обратно в кобуру и завалился досыпать дальше.

Утром выяснилось, что на остальных офицеров свиты отдаленная перестрелка произвела куда более серьезное впечатление. Вооружившись, они заняли оборону, и только после длительных уговоров местным офицерам удалось убедить свитских в безвредности отдаленной перестрелки. Но многие так глаз до рассвета и не сомкнули. А утром только и было разговоров, что о ночном происшествии.

Утром капитан Магу пытался пробиться на прием к Скоблину, но в штабе было не до него. Пока Алекс околачивался в штабе, прибыл отставший обоз свиты. При этом обозе находился Фелонов. Убедившись в бесполезности дальнейшего ожидания, капитан отправился искать своего денщика. После долгих поисков ему указали на сарай, где были размещены лошади господ офицеров из свиты наследника.

Едва войдя в сарай, капитан Магу стал свидетелем безобразной сцены. Фелонов, держа за шиворот какого-то солдата из нестроевых, пытался сунуть того носом в кучу лошадиного навоза. Тот отчаянно, но безуспешно пытался вырваться, отставной унтер неумолимо приближался к достижению им задуманного.

– Сми-ирно!

Оба дебошира замерли, затем приняли строевую стойку.

– Что здесь происходит? Я вас спрашиваю?!

Первым проявил сообразительность Фелонов.

– Эта сволочь пыталась наше седло украсть, господин капитан!

– Какое такое седло?! – возмутилась «эта сволочь». – Ничего я не брал!

– Вот это, – денщик капитана указал на лежавшее в стороне седло, на которое Алекс поначалу не обратил внимания.

Шагнув ближе, Магу убедился, что это действительно седло его лошади, при лошади должное и находится в данный момент. Картина стала ясна, вор-неудачник был пойман на месте преступления. Подойдя к воришке, капитан без замаха дал ему в зубы, а затем задал вопрос.

– Кто такой?

Тот молчал. Второй удар был сильнее, голова солдата качнулась в сторону, но на ногах он устоял, в уголке рта появилась кровь. Зато язык развязался.

– Денщик полковника князя Всехсвятского, – упавшим голосом доложил неудачник.

В свите наследника полковника с такой фамилией не значилось. Среди штабных, прибывших с генералом Скоблиным, Алекс такого вспомнить не смог. Так и оказалось, полковник был из шестой дивизии, осаждавшей Коварну.

– Фелонов, найди полковника Всехсвятского, доложи об инциденте, пусть сам со своим денщиком разбирается.

Но не успел отставной унтер отправиться на поиски, как воришка рухнул на колени.

– Не губите, господин капитан! Он же меня в штрафники сдаст!

– А ты не воруй!

– Пощадите!

Солдат попытался поцеловать руку капитана, но Алекс этого не допустил. Зрелище было мерзким.

– Фелонов, отставить! Отпусти его.

Влад с неодобрением наблюдал, как воришка, бормоча извинения, бочком, бочком добрался до выхода и прошмыгнул в приоткрытые ворота.

– Зря ты его отпустил.

– Да пусть идет. Лучше седло убери, пока на него еще один претендент не нашелся.

Седло Фелонов убрал, а для пущей сохранности на самом видном месте ножом вырезал на нем фамилию владельца. Знал бы кто, как это вполне естественное стремление сохранить собственное имущество, аукнется его владельцу в дальнейшем.

На следующий день капитан Магу все-таки пробился к новому командующему Палканской армии, нагло используя положение императорского флигель-адъютанта. Скоблин Алекса выслушал и даже пообещал рапорт Светлорецкого рассмотреть.

Несколько следующих дней Магу мотался по округе в свите великого князя. Наследник объезжал осаждавшие Коварну части с целью подъема у солдат боевого духа. Длительные поездки верхом на свежем воздухе способствовали улучшению цвета лица Александриса и всех офицеров его свиты.

Тем временем обновленный штаб Палканской армии развил бурную деятельность. Одна за другой прибывали пехотные колонны новых частей и маршевые батальоны для пополнения потерь, понесенных в ходе неудачного штурма. Везли новые орудия и снаряды к ним, патроны, фураж, продовольствие и бутылки с вином для господ офицеров. Солдаты рыли траншеи, все ближе и ближе подбираясь к османийским позициям. Те в ответ огрызались артиллерийским огнем. Пару раз противник пытался устроить ночные вылазки, хоть и неудачные, но вызвавшие немалый переполох у руоссийцев.

В один из вечеров Светлорецкий вернулся мрачнее тучи. На вопрос Алекса «Что случилось?» ответил.

– Общий штурм. Решение окончательное.

– А ваш план?

– Был рассмотрен, и после недолгого обсуждения отвергнут, как слишком долгий по времени. Решено, что Коварна нам нужна немедленно.

– Как всегда, времени у нас нет, а солдат бабы еще нарожают, – поддержал подполковника Алекс. – И когда начало штурма?

– Артиллерийский обстрел начнется через три дня. Начало штурма еще через три.

В полдень четвертого дня загрохотала руоссийская осадная артиллерия. Спустя несколько минут ей ответили крепостные орудия османийцев. Грохот отдельных выстрелов слился в непрерывный гул, хорошо различимый на расстоянии десятка верст от Коварны. Над долиной поплыли плотные клубы белого дыма от десятков пудов сжигаемого за минуту пороха. Сотни пудов чугуна и стали летели с обеих сторон. Все, что с таким трудом было доставлено из империи, руоссийское командование поставило на карту для скорейшего достижения цели.

С безопасного расстояния наблюдая за обстрелом крепости, Александрис поделился со свитскими офицерами своими впечатлениями.

– Какое грандиозное и ужасающее одновременно зрелище! Неужели там еще кто-то может остаться в живых?

К сожалению, очень даже может. Основные усилия осадной артиллерии были сосредоточены на трех фортах, именуемых русскими номер два, три и четыре. Частично доставалось крепостной цитадели, построенной лет триста тому назад. Но гораздо больше от обстрела страдали ничем не защищенные дома жителей Коварны. Надежно укрытые под землей казематы фортов были недосыгаемы даже для шестидюймовых осадных орудий весом двести пудов.

С наступлением темноты орудийная стрельба стихала, с обеих сторон в действие вступали саперы и пехота. Одни старались исправить нанесенные днем повреждения, вторые пытались этому помешать. То и дело на подступах к фортам вспыхивали ожесточенные перестрелки, быстро переходящие в штыковые, а затем и в рукопашные схватки.

На третью ночь второму батальону двадцать второго пехотного полка удалось опрокинуть и разогнать османских саперов, исправлявших повреждения первой траншеи, а заодно и занимавших ее пехотинцев. С ходу проскочив еще две линии траншей, русская пехота ворвалась в люнет, расположенный между фортами номера два и три, и после короткой, но яростной схватки захватила его.

Османцам, что вполне естественно, такое развитие ситуации не понравилось. Подтянув со своей стороны сразу два пехотных батальона, они бросили их в атаку с целью вернуть утраченное укрепление. Это им почти удалось, но тут на помощь второму батальону пришел первый батальон того же полка. Османцев вновь выбили из люнета, где русские спешно начали окапываться.

Пока противник не успел укрепиться, османцы поспешно бросили в бой свежие силы. В свою очередь, со стороны русских к люнету подтянулись остальные подразделения двадцать второго полка, включая саперную роту, полковую батарею и оркестр. С рассветом обеим сторонам начала помогать артиллерия. А еще час спустя вести о ночных событиях дошли до великого князя Александриса.

– Надо непременно поддержать наступательный порыв наших солдат, – оживился наследник.

А поскольку никаких сил, кроме собственной свиты, в его распоряжении не было, великий князь решил оказать поддержку собственным присутствием в боевых порядках.

– Где генерал Скоблин?

– Вон он, ваше высочество!

Командующий Палканской армией стоял на небольшой скале, откуда открывался хороший вид на поле боя. При нем находились два штабных офицера, а под скалой располагались адъютанты и посыльные. Время от времени кто-нибудь из них срывался с места и спешил с приказанием к командирам частей, втянувшихся в бой.

– Едем к нему, – принял решение Александрис.

Наверняка мысленно он уже видел себя стоящим рядом с командующим армией и как бы причастным к управлению боем. А еще это увидит несколько тысяч идущих в бой солдат и офицеров. Но тут столь блестящим перспективам попытался воспрепятствовать капитан Магу.

– Ваше высочество, это очень опасно. Эта скала находится в пределах досягаемости вражеской артиллерии.

– Но по генералу Скоблину османцы не стреляют, – нашел резонное, как ему казалось, возражение великий князь.

– Их там меньше десятка, а на скале всего трое. По ним артиллерию использовать не станут, а по такой кавалькаде, как ваша свита, применяют непременно.

– Прекратите праздновать труса, капитан, – свысока бросил великий князь, – едем. А вы привезите мой бинокль, который я забыл.

Дальше настаивать на своей позиции было немыслимо, так как у князя появлялись все основания для обвинения в неисполнении прямого приказа.

– Слушаюсь, господин полковник!

Ответ Алекса строго соответствовал уставу русской армии, но был настоящим вызовом для светского офицера. Развернув лошадь, капитан поспешил к дому, в котором в настоящее время квартировал наследник. Бинокль нашелся быстро, хотя поначалу голову Магу посещали мысли, что это был только повод отослать неугодного офицера подальше, чтобы не путался под ногами.

Уже с окраины Ясена Магу смог хорошо увидеть скалу, на которой расположился генерал Скоблин со своими офицерами, и приближавшуюся к ней кавалькаду свиты великого князя. Дав шпоры ни в чем не повинной кобылке, Алекс поспешил вслед за свитой. Ему оставалось проскакать еще около версты, когда над скалой вспухли белые облачка порохового дыма. «Шрапнель!» Огонь османской батареи был убийственно точным, цель была накрыта первыми же выстрелами.

Алекс в отчаянии перетянул лошадь плетью. Та недовольно всхрапнула, но послушно перешла на галоп. Дорога, как назло, нырнула в низину, откуда ничего не было видно.

– Стой! Стой!

Навстречу капитану выскочили два всадника, явно из свитских. Один из них успел проскочить мимо, второй вынужден был натянуть поводья, когда лошадь капитана Магу перекрыла ему дорогу. Лошадь встала на дыбы, всадник едва не вылетел из седла.

– Где наследник?!

Перекошенный от страха рот, расширенные зрачки, Алекс не сразу узнал капитана Троеградского.

– Что с великим князем?!

– Н-не знаю! Не видел!

– Скачите за мной, капитан!

– Но там же...

– Орден! Святой Егорий за спасение наследника!

Лекарство от страха было выбрано правильно, Троеградский начал разворачивать лошадь. Алекс поскакал вперед. Дорога, наконец, выбралась из низины, и капитану Магу открылась ужасающая картина – мертвые, умирающие и еще живые, люди и лошади. Не обращая внимания на стоны и крики раненых, капитан направил свою кобылу туда, где, по его мнению, мог находиться наследник.

Лежащего на боку тяжеловоза капитан заметил издалека. Судя по неподвижности, конь был уже мертв. Здоровяк в форме русского полковника лежал буквально в двух шагах от своего коня. Голова и рука в крови, сердце Алекса будто сжала холодная железная лапа. Преодолев секундную слабость, офицер торопливо скатился с лошади, кинулся к наследнику, попытался нащупать пульс.

– Живой!

Рядом с капитаном, брякнув саблей, опустился на колени Троеградский. Лицо бледное, губы трясутся, но виду старается не подавать.

– Дайте нижнюю рубаху!

– Зачем?!

– Наследника перевязать!

Капитан начал торопливо срывать с себя португезу и мундир, а Алекс осмотрел раны великого князя и, к своему удивлению, ничего серьезного не нашел. Шрапнельная пуля про-

била бицепс левой руки, но кость, видимо, не задела. А рану на голове Александрис получил при падении с убитой лошади. От этого удара он сознание и потерял, но череп остался цел.

Троеградский наконец-то справился с мундиром и снял с себя исподнюю рубашку. Вместе они начали раздирать ее на полосы, а затем Алекс начал перевязку. Крови было немного для такого крупного мужчины, смерть от ее потери Александрису не грозила. Закончив перевязку руки и головы, капитан обратился к офицеру свиты:

– Помогите мне!

Вдвоем им с большим трудом удалось поднять наследника и взвалить его поперек седла на лошадь Алекса. Кобылке такой груз пришелся не по вкусу, пришлось на нее прикрикнуть, чтобы успокоить.

– Везите великого князя в госпиталь!

Магу протянул Троеградскому уздечку.

– А вы?!

– Спасайте наследника!

Капитан кивнул, вскочил в седло своей лошади, принял уздечку из рук Алекса и, дав шпоры, направился обратно в Ясен. Глядя ему вслед, Магу подумал, что надо было привязать Александриса к седлу, а то, не приведя Господи, с лошади упадет и еще раз травмируется.

Оглядевшись, капитан не увидел на привычном месте фигуры командующего. Не иначе османийцы решились потратить несколько шрапнелей и на его наблюдательный пункт. Если генерал ранен или, хуже того, убит, то управление русскими войсками оказывалось потеряно. Встревоженный Алекс поспешил к скале, чтобы выяснить, что случилось со Скоблиным.

С командующим все было в порядке. Во избежание повторного обстрела он спустился ниже и укрылся среди камней. А вот его адъютантов и посыльных османийская шрапнель основательно поредила.

Увидев Алекса, Скоблин оторвался от бинокля.

– Что с наследником?

– Ранен, господин генерал-лейтенант! Вроде ничего серьезного, но находился без сознания. Отправлен в госпиталь.

– Даст Бог все обойдется. Капитан, больше мне послать некого, доставьте генералу Шкрибнеру приказ оставить захваченный люнет и отойти на исходные позиции.

– Слушаюсь, господин генерал-лейтенант! Только свою лошадь я для эвакуации наследника отдал.

– С той стороны лошади привязаны, берите любую.

Лошади нашлись там, где указал Скоблин. Из четырех Алекс выбрал самую смирную на вид. Коник, хоть и не одобрил смены хозяина, попыток сбросить с седла новичка не предпринимал. Дав ему шпоры, капитан направил его к захваченному люнету. На этом пути пришлось преодолеть три траншеи. Магу никогда не считал себя умелым всадником, но конь отлично справился со всеми препятствиями и без его вмешательства. Над головой противно засвистели первые пули. Хорошо хоть османийская артиллерия взяла паузу для охлаждения орудий и доставки боеприпасов. Огибая лежавшие на земле тела, конь галопом долетел до люнета.

Положение здесь и впрямь было очень тяжелое. Через открытый тыл внутренняя часть люнета полностью простреливалась винтовочным огнем османийцев. К тому же полк понес большие потери и уже семь часов, как непрерывно находился в бою, люди были измотаны до предела.

– Где начальство?

Махавший лопатой солдат, не оборачиваясь, указал дальнейшее направление.

– Там.

Еще через полсотни саженей Алекс добрался до группы офицеров, что-то горячо обсуждавших, стоя в траншее.

– Где генерал Шкрибнер?

Высокий плечистый полковник показал на тело, завернутое в шинель тонкого серого сукна с золотыми генеральскими погонами.

– Минут пять, как отмучился. А вы здесь откуда, господин флигель-адъютант?

Отношение армейских офицеров к свитским было двойственным. С одной стороны, пренебрежительным, как к подхалимам, карьеристам и лизоблюдам. Хотя Алекс подозревал, что за всем этим скрывается банальная зависть, особенно гвардейцев и представителей старой аристократии. С другой стороны, перед флигель-адъютантами едва ли не лебезили, ведь эти офицеры исполняли поручения самого императора, а все замеченные ими упущения по службе докладывались на самый верх. Да и о достигнутых успехах тоже можно по-разному доложить, а это ордена, звания, должности. Карьера, одним словом.

Этому полковнику было не до политесов, обстановка не способствовала.

– Спускайтесь к нам, капитан, пока и вас не подстрелили!

Алекс слез с лошади и спрыгнул в траншею.

– Генерал Скоблин приказывает оставить люнет и отступить на исходные позиции!

– Давно пора, – проворчал полковник, – пока нас тут всех не перестреляли. Вот только назад мы отступить не будем.

– А куда же вы намерены отойти, господин полковник?

– Вон туда!

Повернувшись в указанном полковником направлении, Алекс от удивления замер, поскольку взгляд его уперся в валы форта, обозначенного на руоссийских картах как «N2». В этот момент руоссийская артиллерия возобновила обстрел укрепления, и форт окутался клубами дыма. Пока флигель-адъютант хлопал глазами, оставшийся за старшего начальника полковник отдавал приказания своим офицерам.

– Господа офицеры, решение принято, и пусть каждый исполнит свой долг до конца! Выступаем через десять минут! Прошу сверить часы. На моих девять двадцать две.

Капитан Магу почти автоматически выставил стрелки своих часов по полковничьим. Офицеры начали расходиться по своим подразделениям.

– Ложись!!!

Заунывный вой бомбы крупного калибра прервался оглушительным грохотом близкого взрыва. Алекс успел присесть в траншее, но и здесь его настиг сильнейший удар взрывной волны, а затем сверху полетели комья земли вместе с камнями, в нос лезла вонь сгоревшего пороха. Когда слух восстановился, стало слышно, как истошно кричит раненая лошадь. Та самая, на которой капитан Магу приехал сюда.

– Кто-нибудь, пристрелите это несчастное животное, чтобы не мучилось, – распорядился поднявшийся на ноги полковник. – Вы с нами, капитан?

– Капитан Магу, – представился Алекс. – С вашего позволения, останусь с вами.

– Полковник Всехсвятский, командир двадцать второго пехотного полка.

Сверху хлопнул винтовочный выстрел, оборвавший конский крик. Полковник взглянул на часы.

– Пора. Оркестр! Гвардейский марш!!!

Зрелище получилось впечатляющим и незабываемым. В считанные секунды словно из-под земли поднялись полторы тысячи руоссийцев и с примкнутыми штыками, под оркестр, решительно и неумолимо двинулись к форту номер два под звуки бравурного марша.

Этот маневр стал полной неожиданностью для всех. Османйская артиллерия еще несколько минут продолжала обстреливать люнет уже после того, как руоссийская пехота оставила его. Эти минуты атакующие цепи руоссийцев несли относительно небольшие потери от огня из стрелкового оружия. Но так не могло продолжаться долго.

Первые разрывы шрапнелей появились довольно высоко в небе с недолетом сажень в двести. Но уже четвертая серия засыпала правый фланг круглыми шрапнельными пулями. Хотя и установки трубки были выбраны не совсем верно – большая часть разрывов произошла с недолетом, среди солдат появились первые прорехи, быстро, впрочем, затянувшиеся. А над всем этим действием продолжал греметь бодрый и торжественный гвардейский марш, то и дело заглушаемый разрывами артиллерийских снарядов.

Понимая, что следующий залп чреват куда более серьезными потерями, полковник Всехсвятский во всю глотку буквально прорычал:

– Полк! В атаку! Бего-ом марш!

Измотанные ночным боем, продолжившимся после рассвета, пережившие несколько ожесточенных контратак солдаты двадцать второго пехотного полка перешли на бег. Оркестр стих, зато над атакующими цепями прокатилось хриплое и грозное русское «Ура-а-а!!!». А впереди их ждала картечь крепостной артиллерии, пули и штыки засевших в форте османов.

Во время атаки капитан Магу старался держаться около командира полка. Всехсвятский время от времени подбадривал своих подчиненных крепким словом. Глотка у полковника была луженая, слышно его было далеко, несмотря на шум боя.

– Вперед! Быстрее, твою дивизию!

До внешнего вала форта оставалось не более двухсот сажень, когда русская артиллерия прекратила огонь по нему, опасаясь попасть по своим. Двести сажень, солдату с полной выкладкой на преодоление этого расстояния требуется меньше двух минут. Донельзя измотанным, уставшим солдатам двадцать второго полка потребовалось вдвое больше времени. Где-то на середине пути их встретил картечный залп. Амбразуры форта плюнули вдруг огнем и дымом, что-то с визгом пронеслось над головой Алекса, а несколько шедших впереди рядовых рухнули как подкошенные.

Капитан Магу даже не сразу сообразил, что этот жуткий визг означает миновавшую его смерть. Однако даже обрадоваться было некогда. Бой продолжался, и в любой момент мог последовать повторный залп. Алекс потянул саблю из ножен.

– Вперед! В атаку!!!

Бежавший перед капитаном солдат споткнулся и завалился на бок безвольной куклой, брякнула о камень выпавшая из руки винтовка. Перескочив через убитого солдата, офицер оказался на краю рва глубиной почти в сажень с обложенными камнем стенками.

– За мной!

Алекс одним из первых прыгнул в ров, приземлился удачно, правда, прыгнувший следом за ним солдат едва не напоролся на капитанскую саблю. Над головой прогремел еще один пушечный залп, доставшийся тем, кто не успел укрыться во рву. Эскарпная стенка рва была довольно крутой, цепляясь за выступающие камни, солдаты полезли вверх.

Справа раздались выстрелы, крики, лязг холодного оружия – османовцы атаковали скопившихся во рву русских через потайной проход из форта. «Рано, рано! Надо было дожидаться, когда большая часть солдат начнет выбираться из рва, и только тогда ударить в спину!» Ошибка османовского начальства дорого обошлась его подчиненным, узкий ход не позволял быстро перебросить в ров значительные силы, а те, кому не повезло оказаться в первых рядах, были буквально задавлены численным превосходством русских и перебиты в считанные минуты. Капитан Магу даже не успел принять участия в схватке, настолько быстро все закончилось.

Уничтожив противника во рву, русская пехота решила нанести ответный визит в форт, воспользовавшись тем же ходом. Однако предпринятая штурмующими попытка завершилась неудачей. В очередной раз узость прохода сыграла против атакующих. Потеряв в про-

ходе полтора десятка убитыми и ранеными, руоссийцы вынуждены были отойти обратно в ров на заваленную трупами площадку перед ходом.

Чья-то тяжелая рука легла на плечо Алекса.

– Капитан, если уж вы еще здесь, вернитесь назад, подгоните наших артиллеристов, а то, боюсь, как бы наши пушки противнику не достались!

– Слушаюсь, господин полковник!

Пришлось вернуть саблю в ножны и выбираться изо рва в обратном направлении. Подъем оказался куда более тяжелым и затяжным. Ободрав ладони и проклиная бьющую по ногам саблю, капитан выбрался наверх. Выбравшись, он оглянулся назад. Внешний вал форта был покрыт массой шевелящихся тел. Волна за волной они перетекали во внутренний двор, откуда доносился шум боя и хлопки отдельных выстрелов. Огонь артиллерии с обеих сторон стих, и те, и другие, опасались ударить по своим. Поправив кепи, Алекс пригнувшись побежал обратно, навстречу ему то и дело попадались отставшие от своих подразделений солдаты. Никто прицельно не стрелял по нему, но то и дело вокруг посвистывали шальные пули.

От полковой батареи исправными осталось всего три орудия, а лошадей для их перевозки не осталось вовсе. Батарейцы, коих осталось всего-то около двух дюжин при одном офицере, перекачивали свои пушки вручную, выбиваясь из последних сил. Зарядные ящики и весь еще оставшийся запас выстрелов также пришлось бросить, для их спасения просто не было ни людей, ни транспорта.

Алекс отыскал лейтенанта-артиллериста, исполнявшего обязанности командира.

– Господин лейтенант, полковник Всехсвятский приказал ускорить передислокацию ваших орудий в форт.

– Делаю все, что могу, господин капитан! Но, сами видите, люди вымотаны.

В этот момент одна из пушек провалилась в какую-то колдобину и застряла в ней.

– Навались!

Артиллеристы навалились, но их усилий оказалось недостаточно. И тут лейтенант сделал то, чего Алекс от него никак не ожидал. Повернувшись, артиллерийский офицер подбежал к застрявшему орудию и сам взялся за колесо.

– Раз, два, взяли! Еще, взяли!

Им не хватало совсем чуть-чуть, чтобы справиться с орудием. И тут Алекс обнаружил, что все вокруг заняты делом, и только он один находится в роли стороннего наблюдателя. Плюнув на традиции офицерства руоссийской армии, капитан Магу последовал примеру лейтенанта. Если артиллерист на такое пошел, то можно и пехотинцу руки испачкать.

– Еще, взяли!

Упираясь ногами в землю, Алекс навалился на колесо. Пушка приподнялась, на мгновение зависла и медленно, будто нехотя выкатилась из удерживающей ее ямы. Лейтенант тыльной стороной ладони стер со лба пот, водрузил кепи обратно на голову и обратился к капитану:

– Господин капитан, есть ли возможность переправить орудия через ров?

Вопрос застал Алекса врасплох. О том, что орудия придется перетаскивать на другую сторону рва, он как-то не подумал. Припомнив глубину рва и крутизну его склонов, капитан отрицательно покачал головой.

– Нет, ничего не получится. А мост через ров и ворота расположены в тыльной части форта и простреливаются османийцами.

– Что же тогда делать?

На лице артиллериста огорчение было смешано с растерянностью. Алекс попытался предложить хоть какое-нибудь разумное решение проблемы.

– Попробуем хотя бы спустить их в ров. Без снарядов проку от них все равно нет, а так хоть целыми останутся. Можно их как-нибудь разобрать?

– Можно снять стволы с лафетов, – оживился лейтенант, – за четверть часа управимся.

– Боюсь, лейтенант, у нас не будет и десяти минут. Форт падет с минуты на минуту, после чего его начнет обстреливать османийская артиллерия.

Словно подтверждая слова капитана Магу, поднятый на флагштоке форта, измочаленный пулями и осколками османийский флаг дрогнул и пополз вниз.

– Быстрее, быстрее, иначе стволы придется снимать под обстрелом!

А вот, наконец, и край рва. Батарейцы под руководством своего лейтенанта начали возиться с разборкой орудий. Словно норовя помешать им в этом деле, османийская артиллерия начала обстрел потерянного форта. Можно было не сомневаться, что следом последует контратака с целью вернуть потерянное укрепление обратно. Просто так смириться с потерей позиции, столь важной для обороны Коварны, османийское командование никак не могло.

Предупредив артиллерийского лейтенанта о своем отбытии, капитан Магу отправился на поиски полковника Всехсвятского, чтобы доложить ему о выполнении поручения. В разборке пушек он артиллеристам все равно помочь ничем не мог, да и бомбы османийских крепостных мортир начали с грохотом рваться в очень неприятной близости. Поэтому Алекс решил, что каменный свод и пара саженой земляной насыпи над головой будут не лишними.

Чтобы проникнуть в форт, капитан воспользовался потайным ходом через ров. Охранявшие вход солдаты о расположении штаба полка ничего сказать не могли, они и своего-то ротного уже больше часа в глаза не видели. Командовавший ими унтер-офицер указал на черный провал, ведущий вглубь вала.

– Идите прямо, господин капитан, там у кого-нибудь спросите.

Идти пришлось в полной темноте, держась рукой за стену. Несколько раз он спотыкался о трупы, свои или чужие, понять было невозможно. Время от времени под ногами брякало брошенное оружие. Взрывы османийских бомб отдавались еле заметными толчками воздуха. Самые близкие вызвали дрожь каменной кладки и гулкое эхо, гулявшее под каменными сводами подземелья. Пару раз рука Алекса проваливалась в пустоту, видимо, это были какие-то боковые ответвления, но ему удавалось вновь нащупать продолжение стены и не сбиться с пути.

По ощущениям он преодолел не меньше полусотни саженой, когда почва подземного хода пошла вверх, а впереди забрезжил неровный, мерцающий свет факела. Его приближение заметили, сверху донеслось.

– Стой, кто идет!

– Капитан Магу к полковнику Всехсвятскому!

В желтоватом свете коптящего и шипящего дрянного факела встретившие капитана солдаты выглядели сущими мумиями, только глаза поблескивали в темных провалах глазниц.

– Вам туда, господин капитан.

Новый ход был гораздо шире и выше, через двадцать-тридцать саженой в нем были расположены посты. Их горящие факелы выхватывали из темноты всего три-четыре сажени прохода, остальное расстояние приходилось преодолевать все так же на ощупь. Трупы из-под ног здесь успели прибрать, зато взрывы наверху были гораздо ощутимее.

Руководствуясь указаниями постовых, капитан Магу минут через пять отыскал полковника Всехсвятского. Штаб полка расположился в каземате, который сами османийцы использовали для той же цели. Здесь стоял большой стол с расстеленной на нем картой. С потолка свисали две масляные лампы, с трудом разгонявшие по углам темноту подземелья.

Кроме самого командира полка в каземате присутствовали еще четверо. У стола сидел подполковник, что-то торопливо писавший карандашом в блокноте. Молоденький лейтенант, видимо, недавний выпускник офицерского училища, пытался заставить лежать карту ровно, но она упорно вырывалась и норовила свернуться в трубочку. «Начальник штаба и адъютант», – догадался Алекс. Около входа расположились унтер и ефрейтор, ожидавшие поручений полкового начальства.

– Господин полковник, ваше приказание выполнено, полковая батарея в составе трех орудий доставлена в форт!

– Где они?

– Артиллеристы их сейчас разбирают и пытаются спустить в ров форта.

– Что у них со снарядами?

– Если что-то и есть, то не больше двух-трех на орудие, господин полковник.

Новость эта заметно огорчила командира полка, при отражении предстоящего контрштурма на помощь полковой артиллерии нечего было рассчитывать.

– Вам ротой командовать приходилось? – неожиданно спросил Всехсвятский.

– Так точно, господин полковник! Девятой ротой девятнадцатого Анненского полка.

Невольно смутившись, Алекс добавил:

– Это в свите я недавно.

Всехсвятский одобрительно кивнул.

– Приказывать вам права не имею, поэтому прошу временно принять под свое командование пятую роту. В ней ни одного офицера не осталось, и послать некого, некоторыми ротами и так уже лейтенанты командуют. А обратно вам сейчас все равно не выбраться, придется на некоторое время в форте задержаться.

То ли калибр бомбы был больше, чем прежние, то ли взрыв произошел точно над казематом, но тряхнуло на этот раз изрядно. С потолка посыпалась штукатурка, по ушам прошла звуковая волна. Алекс смахнул с погона упавшую сверху известку.

– Я готов, господин полковник! Но может, есть целесообразность сократить количество рот, сведя уцелевший личный состав под командование опытных офицеров.

– Целесообразность, может, и есть, а времени нет. Османийцы с минуты на минуту ползут форт отбивать. Здесь после штурма такая каша была, что едва по своим подразделениям солдат развели. Так что, господин капитан, отправляйтесь в пятую роту и готовьтесь к отражению атаки. Провожатого я вам сейчас найду.

– Слушаюсь, господин полковник!

Хмурый, неразговорчивый ефрейтор минут десять вел капитана Магу по подземным ходам. Снаружи форт номер два не казался грандиозным сооружением. Во всяком случае, то, что офицер успел увидеть, не произвело на него особого впечатления. Зато подземные сооружения этого укрепления были весьма протяженными, османийцы всерьез готовились к длительной осаде Коварны.

То ли Алекс уже привык к взрывам наверху, то ли и вправду интенсивность обстрела форта снизилась. А это могло указывать на скорое начало османийской атаки. Вслед за ефрейтором Алекс поднялся наверх, в казематы внешнего вала форта, куда через орудийные амбразуры снаружи проникал дневной свет. В нос шибануло вонью сгоревшего пороха, а в воздухе повисла мелкая белая пыль.

– Старший унтер-офицер Охримцев, командир первого взвода.

Кто-то с мясом выдрал правый погон унтера и подбил ему левый глаз. Левый рукав мундира окровавлен и разрезан, сквозь разрез белеет повязка – захват форта недешево обошелся взводному. Остальные солдаты роты выглядели немногим лучше.

– Капитан Магу. Прислан командиром полка, временно исполняющим обязанности командира пятой роты. Сколько солдат в строю?

– Пятьдесят пять, господин капитан, вместе со мной.

– Что с боеприпасами?

– По полсотни на винтовку, господин капитан. Гранат нет совсем, последние использовали при штурме.

– Соберите трофейное оружие и патроны, могут пригодиться. И трупы с прохода уберите, чтобы самим не спотыкаться.

– Слушаюсь, господин капитан!

С одной стороны, прибытие нового начальства приносило новые заботы и необходимость заниматься грязной и тяжелой работой. С другой – снимало с унтера непривычную ответственность за всю роту и предстоящий бой. Оставалась привычная обязанность исполнять приказы, а потому в голосе Охримцева слышалось нескрываемое облегчение.

– И покажите мне позиции роты.

– Прошу сюда, господин капитан!

Рота разместилась в казематах южной части внешнего вала. Первый же каземат, куда они вошли с унтером, носил следы недавнего ожесточенного боя, уже присыпанные белой известковой пылью. Такие же покрытые белым налетом солдаты начали подниматься при появлении начальства.

– Вольно!

Обстрел хоть и стих, но не прекратился совсем, а потому было не до церемоний. Посреди каземата стояла старая бронзовая пушка на деревянном крепостном лафете с маленькими железными колесиками. Тут же был сложен запас круглых чугунных ядер. Кто-то пытался рубить лафет топором или тесаком, но не сильно преуспел в этом. Алекс заглянул в пушечный ствол. Так и есть, заклепана. Стало понятно, почему при штурме вала артиллерийский огонь форта был так слаб – большая часть орудий была заклепана руоссийцами еще при первом захвате укрепления, а заменить их было нечем.

Алекс выглянул в амбразуру. Отсюда открывался хороший вид на перепаханное снарядами и осыпанное телами пространство между фортом и полуразрушенным люнетом, вынужденно оставленным двадцать вторым полком около часа назад. Атака с этого направления была маловероятной, так как османийцы подставляли свой фронт под огонь из форта, а левый фланг под огонь руоссийской артиллерии и стрелков с основных осадных позиций. Тем не менее необходимость подготовиться к отражению атаки никто с капитана не снимал.

В следующем каземате картина была аналогичной, разве что пушечный лафет был изуродован сильнее. Обойдя все шесть казематов, Магу не нашел ни одной исправной пушки, которую можно было бы использовать. Дальнейший путь преградил завал. Свод не выдержал попадания крупнокалиберной бомбы, засыпав проход камнями и землей. Сквозь щель у потолка просвечивало солнце.

Новомодный бетон при строительстве этого укрепления не использовали, по старинке обошлись каменной кладкой с земляной отсыпкой. Вот и получилось, что мортирные бомбы, выпущенные из старых османийских мортир, форт держал, а снаряды руоссийских осадных орудий далеко не всегда. Будь в числе крепостной артиллерии подобные пушки, засевшему в форте двадцать второму пехотному полку пришлось бы туго.

– Дальше ходу нет, господин капитан, – сообщил Охримцев, – там позиции четвертой роты.

– Связь с нею есть?

– Только через вал или внутренний двор, но там сейчас лучше не появляться. Есть еще позиции для стрелков на валу, но я даже наблюдателей оттуда убрал.

Капитан одобрительно кивнул, от наблюдателей сейчас толку немного, а вероятность лишних потерь неоправданно велика. Алекс уже хотел было вернуться обратно, но тут с докладом появился еще один рядовой.

– Господин капитан, там еще одну пушку нашли. Только...

– Что только?

– Чудная она какая-то, господин капитан.

– Веди. Посмотрим, что вы там за чудо нашли.

Пушка оказалась бритунийской копией «гартинга» на колесном лафете. Такие системы в небольшом количестве состояли на вооружении османийской армии. Из потерны, где стоял

«гартинг», его можно было выкатить на вал, а там для него наверняка оборудована соответствующая позиция. Странно только, что такое грозное оружие не было использовано при отражении штурма, а так и осталось стоять в своем укрытии.

Внешне «гартинг» выглядел вполне исправным, его даже не пытались испортить при отступлении. Однако, при попытке повернуть рукоятку, приводящую механизм оружия в действие, выяснилось, что он чем-то заклинен. Прежде, чем попытаться устранить неисправность, Алекс поинтересовался:

– Патроны к нему есть?

– Здесь в ящиках есть какие-то, господин капитан!

Одного взгляда хватило для того, чтобы убедиться, что патроны те самые и есть. И есть смысл попытаться привести трофей в боеспособное состояние. С подобной неисправностью он уже сталкивался, но тогда в его распоряжении был мастеровой-оружейник с набором нужных инструментов, а сейчас только собственные руки, голова и солдатский нож.

После недолгой, но упорной возни с винтами капитану удалось снять горловину приемника патронов. Благо «гартинг» был новым, и винты не успели заискривиться. Выковыряв из механизма подачи патрон с мятой гильзой, Алекс еще раз налег на рукоятку. На этот раз стволы «гартинга» повернулись с негромким стрекотанием шестерен.

– Господин капитан, османийцы в атаку пошли!!!

Только сейчас Алекс обратил внимание на то, что уже минуты две прошло с последнего взрыва.

– Вы, трое, останьтесь здесь! Остальные – берите ящики с патронами и наверх.

Капитан начал торопливо прикручивать горловину на место. Когда был затянут последний винт, капитан махнул солдатам рукой.

– Катите его наверх!

Солдаты навалились, тяжелый «гартинг» медленно покатился на подъем. Верхняя часть вала встретила капитана Магу солнцем, легким ветерком, винтовочной пальбой и посвистом пуль над головой. Солдаты закатали трофей в круглый дворик. Отсюда открывался отличный вид на разворачивающееся перед фортом номер два действо. Густые цепи османийцев подходили с запада. Частый огонь русско-русских солдат прореживал эти цепи, выбивая атакующих одного за другим, но до критических потерь было еще далеко. Создавалась явная угроза того, что сдержать противника на подходах к форту не удастся.

Решив, что настала пора вмешаться, капитан Магу приказал солдатам:

– Разворачивай! Вы – доставляйте патроны из ящиков, ты – подавай их в горловину. Смотри, ровно подавай! Перекусишь патрон, на гауптвахте сгною!

Рядовой, проникнувшийся важностью поручения и строгостью возможного наказания, начал засыпать патроны в горловину. Алекс устроился на жестком сиденье наводчика, поймал османийцев в прорезь прицела. Отсюда открывалась отличная возможность обстрелять наступающих косоприметным огнем. Капитан взялся за ручку.

«Гартинг» затрясся, плюнул огнем и пороховым дымом. Время от времени приходилось прекращать огонь, давая возможность стволам остыть, а ветру отнести в сторону клубы дыма, закрывавшие цель. Не выдержав обстрела, первая цепь залегла, Алекс направил стволы «гартинга» на вторую.

К этому времени проснулась русско-русская артиллерия, обрушившая на наступающих османийцев град снарядов и мортирных бомб. Османийская пехота вынуждена была частью отойти на исходные позиции, а частью искать укрытия в полевых укреплениях, построенных вокруг форта.

– Кажись, отбились.

Подававший патроны солдат стянул с бритой головы кепи, рукавом мундира вытер со лба пот. Алекс слез с жесткого сиденья.

– Закатывайте «гартинг» обратно, пока не началось.

– Что началось, господин капитан? – осмелился полюбопытствовать один из рядовых.

– Сейчас увидите, – туманно пообещал капитан. – Охримцев, гони всех вниз!

Началось, едва только рота укрылась в казематах форта. Второй обстрел был гораздо дольше и интенсивнее предыдущего. Крепостная артиллерия османийцев пустила в действие все, что могло дотянуться до форта номер два. Казалось, этот обстрел не закончится никогда.

– Господин капитан, к вам господин подполковник!

Это был тот самый подполковник, которого Алекс видел в штабе полка.

– Подполковник Чанаев, – представился вошедший офицер, – начальник штаба полка и главный противник вашего назначения на эту должность. Теперь вижу, что был не прав. Из «гартинга» вы палили?

– Так точно, господин подполковник!

– Я так и подумал, среди наших офицеров таких умельцев не сыскать. И вот что еще, придется вам у нас задержаться, по крайней мере до ночи. Османийцы простреливают все подходы к форту, из двух связных ни один не прошел. Поэтому держитесь, господин капитан, скоро опять полезут. Ваш участок пока самый спокойный, но бдительности не теряйте. А мне пора, еще в трех ротах побывать надо. Держитесь, капитан.

– Слушаюсь, господин подполковник!

После ухода начальника штаба Алекс сел на пол каземата, прижался спиной к холодной каменной стене, то и дело вздрагивающей от близких взрывов. В голове крутился только один вопрос. «Ну что, добился своего?»

Глава 3

– Господин капитан! Господин капитан! Вас тут какая-то нестроевщина ищет.

Ничего больше разбудивший Алекса солдатик сказать не успел. Он только издал испуганное «Ой!», когда его ноги оторвались от земли. «Нестроевщина» левой рукой взял наглеца за шиворот, правой за ремень и уже развернулся, чтобы выкинуть его вон из каземата вместе с бесполезно болтавшейся на локте винтовкой. Пришлось вмешаться.

– Отставить! И поставь рядового на место. Он уже все осознал, и больше так говорить не будет.

– Ладно, пусть идет.

Фелонов вернул низкорослого солдата на землю и легким толчком в шею придал ему ускорение к выходу. Поняв, что дальше поспать не получится, капитан сел на патронном ящике, нащарил сапоги.

– Как ты меня нашел?

– Тоже мне задачка, – фыркнул денщик, – к ночи уже весь штаб и свита знали, что флигель-адъютант Магу из двадцать второго полка не вернулся. А полк в форте номер два окружили.

– И что, действительно, окружили? – улыбнулся Алекс.

– Не, ночью пройти можно, а днем так палили, что... Я тебе шинель принес.

– Шинель – это хорошо. А в общем, как дела обстоят? Как штурм?

– Да никак. Кроме этого форта удалось взять первую линию траншей, да кое-где вторую. Все остальное османийцы обратно отбили. Потери большие, снаряды кончаются.

– И откуда только ты все это знаешь?

– При свите служу, – усмехнулся отставной унтер-офицер.

– Кстати, – забеспокоился Алекс, – а что там с наследником?

– Да что ему сделается-то, – отмахнулся Фелонов. – Дыркой в руке отделался, да лоб расшиб, когда с коня падал. Завтра обратно в столицу повезут. Капитан Троеградский гоголем ходит, собственной рубахой раны будущего императора перевязал. Уже, небось, дырку под Егория за спасение наследника провертел и новые эполеты примерил. Я только одного понять не могу, почему этот спаситель Александриса на нашей лошади привез?

Ничего более глупого, чем прямо сейчас бросить роту и отправиться доказывать свою причастность к спасению наследника, и придумать было невозможно. Нет, флигель-адъютант капитан Магу был в своем праве. По уставу, никакой полковник Всехсвятский им распоряжаться не мог, но в собственных глазах Алекса Магу такой поступок выглядел форменным дезертирством. А потому капитан только одернул разошедшегося денщика.

– Ты языком-то полегче болтай! О будущем венценосце речь ведешь!

– Ладно, ладно, – пошел на попятную Фелонов, а затем постарался сменить тему: – А чего это так тихо у вас?

Алекс закончил натягивать сапоги.

– Перемирие, чтоб его. Сейчас вокруг форта тысячи три лежит. И наших, и османийцев. Вот с девяти до шести перемирие и объявили, но, думаю, за один день не управятся, до завтра продлят.

Алекс подозревал, что сегодняшнее перемирие с перспективой продления до завтра обусловлено отнюдь не благородством противников или боязнью эпидемий из-за тысяч разлагавшихся трупов. Погода не жаркая, покойники свежие, вполне могли бы полежать еще два-три дня, от них не убудет. Просто и у штурмующих, и у гарнизона Коварны банально истощились запасы снарядов. И людей.

После отражения вчерашнего штурма в пятой роте в строю остался сорок один штык. Патроны к трофейному «гартингу» закончились во время отражения второй атаки османийцев, поэтому третью пришлось отбивать без его участия. Третья атака была лучше всех подготовленной и самой опасной. Османийским пехотинцам удалось перейти через ров по мосту в тыльной части форта и подняться на вал. На валу они заняли часть стрелковых позиций восьмой роты и попытались закрепиться в них, чтобы накопить силы для развития штурма.

Не удалось. Полковник Всехсвятский лично возглавил контратаку, в которой приняли участие остатки восьмой роты и резервы, которые наскребли со всех, не подвергшихся атаке участков обороны форта. Схватка была короткой, но невероятно яростной и ожесточенной. В результате османийцев выбили с вала и отбросили обратно за ров. Полковнику проткнули штыком живот, и этой ночью, вместе с остальными ранеными, его эвакуировали из форта с минимальными шансами на исцеление. Из двадцати пяти солдат, выделенных в полковой резерв от пятой роты, назад вернулись только одиннадцать.

Окопы на валу, сам вал, мост и ров под мостом оказались буквально завалены убитыми. В этом бою обе стороны не брали пленных и не щадили раненых. Сейчас там бродили нестроевые солдаты из похоронной команды. Своих хоронили в братской могиле – углубленной и расширенной османийской траншее. Османийцев складывали на краю рва, откуда их должны были забрать, но пока у османийских похоронщиков руки до них не доходили, им хватало дел на подступах к форту.

Алекс поднялся на ноги, затянул ремни портупей.

– Хочешь на османийцев взглянуть?

– Сто лет бы их не видеть, – отмахнулся Фелонов. – Лучше скажи, мы тут надолго?

– А ты что, уже по столице соскучился?

– Не успел еще, – пробурчал отставной унтер, – мне и здесь нравится. Еще бы османийцы не стреляли, а то у меня от стрельбы голова болеть начинает. А вопрос свой я к тому задаю, мне все хозяйство сюда перетаскивать, или пусть пока на прежнем месте остается?

Капитан на несколько секунд задумался. С одной стороны, еще неизвестно, сколько придется просидеть в этом форте без привычных и необходимых в быту вещей. С другой, нет никаких гарантий того, что «номер два» не будет отбит османийцами. Тогда все добро, привезенное из самой столицы, будет утрачено окончательно. Придется все покупать заново, а некоторые мелочи только в Руоссии и можно будет найти.

– Не надо ничего сюда тащить. Думаю, надолго мы в этом форте не задержимся. Потери большие, скоро нас должны сменить другим полком.

– Ну и ладно, пойду хоть за водой схожу. Где вы воду берете?

– На нижнем ярусе колодец есть. Спроси солдат, они покажут.

Денщик забрал офицерскую флягу и вышел из каземата. Из прохода донеслось:

– Кому вода нужна? Давайте сюда фляги, пока я добрый!

Капитан Магу поднялся на вал форта. Трупы отсюда уже убрали, и сейчас по валу бродили трофейщики, подбирали брошенное оружие, собирали патроны. День был безветренным, позднее осеннее солнце радовало ласковым теплом. А главное, не было слышно стрельбы, можно было стоять на валу в полный рост, не пригибаясь. Значит, почти гарантирована жизнь до шести часов вечера. Ночью в форт доставят патроны, приведут пополнение, а дальше... Дальше будет видно, разрешит высокое начальство остаться в полку или прикажет вернуться обратно в столицу. Но больше всего Алекс рассчитывал на то, что сейчас всем будет не до него и о капитане Магу на некоторое время забудут.

И если в ближайшие два дня никто из руоссийского командования о капитане Магу не вспомнил, то османийцы о засевшем в форте полку не забыли. Они подготовили ему сюрприз – ночной штурм. Никто потом так и не узнал, что послужило основанием для такого решения, ведь оно изначально исключало из боя крепостную артиллерию. То ли османийцы увидели, что

она недостаточно эффективна против укрепления такого типа, то ли решили побережь остаток боезапаса. Ставка была сделана на темноту, внезапность, численное преимущество, штыки и пули.

Началось все с того, что Алекса бессовестно разбудили.

– Господин капитан, там шум какой-то!

И ведь только успел заснуть! Очень не хотелось вылезать из-под теплой шинели и куда-то идти, но пришлось.

– Ладно, показывай, где там у вас шумит.

Вслед за солдатом Алекс поднялся на вал форта.

– Слышите, господин капитан? Вон там.

Поначалу Магу ничего не услышал, потом уши его уловили какой-то отдаленный шорох. Если бы глаза капитана могли видеть сквозь темноту, он бы обнаружил, как сотни и тысячи османийских солдат поднялись из укрытий вокруг форта и пошли на штурм. Они пробрались в них с наступлением темноты, выждали, когда русские утомятся и лягут спать, а теперь по команде своих офицеров двинулись отбивать свой форт. Ночь выдалась безлунная, и темнота надежно скрывала их маневры.

– Ерунда какая-то.

Алекс зевнул, прикрывая рот рукой. «Может, разведку выслать?» Однако для этого требовалось испросить дозволения исполняющего обязанности командира полка подполковника Чанаева, который уже наверняка отправился спать. По здравому размышлению Алекс от этой идеи отказался.

– Вроде сильнее шуметь стало, господин капитан!

Вот угораздило же такого неугомонного наблюдателем выставить. Солдат был из вчерашнего пополнения, капитан мало кого успел запомнить в лицо и по фамилии. Этого, например, он вспомнить не смог. Алекс хотел было сделать рядовому внушение, чтобы не беспокоил начальство по пустякам, но тут ему послышалось, как во тьме что-то звякнуло или брякнуло. Капитан насторожил уши, но звук не повторился. Однако за это время намерения офицера успели кардинально перемениться.

– Поднимай роту! Быстро! И посыльного к подполковнику, бегом!

А сам потянул из кобуры «голд». Приближающийся шорох множества ног уже был слышен отчетливо. Минута томительного ожидания, и снизу затопали солдатские сапоги.

– По местам! К бою!

С пришедшим вчера пополнением численность роты была доведена до семидесяти восьми штыков, и она вновь начала представлять собой заметную силу. Щелкая затворами, солдаты разбегались по окопам. Алекс начал открывать рот, чтобы подогнать их, но в этот момент слева неожиданно бухнула пушка, одна из немногих, оставшихся исправными. Не один капитан Магу проявил бдительность.

Вспышка выстрела выхватила из темноты часть рва и спускавшихся в него османийских пехотинцев. Картечь хлестнула по людской массе, и мгновенно сомкнувшаяся темнота разразилась криками боли и отчаяния.

– Огонь!!!

Куда стрелять? В кого? Ничего не было видно, но сейчас имело значение только плотность винтовочного огня. Вразнобой часто захлопали винтовки русских пехотинцев. Еще раз рывкнула из каземата пушка. Другая, первую не успели бы второй раз зарядить за столь короткий промежуток времени. В яркой вспышке порохового огня стало видно, что османийцы уже заполнили ров и начали взбираться на вал. Из рва доносился даже уже не крик, а непрерывный вой.

– Огонь! Огонь! Чаше стрелять!

В данной обстановке экономить патроны не приходилось. Несмотря на грохот винтовочной пальбы, впереди явно ощущалось шевеление людской массы, упорно взбирающейся на вал, несмотря на летящие в нее пули. С той стороны стреляли редко и не прицельно, противники находились в одинаковых условиях почти нулевой видимости, но русские укрывались в окопах, а османовцы поднимались на вал плотной толпой, в которую невозможно было промахнуться даже в такой темноте.

Первый османовский солдат, которого удалось разглядеть, выскочил справа. Пока Алекс вскидывал револьвер, чья-то винтовочная пуля сбила его с ног и он скатился обратно в темноту. Оттуда полыхнула вспышка выстрела, и капитан, не удержавшись, выстрелил в ее направлении. В следующую секунду из темноты показалась толпа османовской пехоты. Из пяти оставшихся в барабанах патронов ни один не был потрачен даром, промахнуться было невозможно. Вот только пяти выпущенных пуль было явно недостаточно, чтобы остановить плотную массу вражеской пехоты.

– А-а-а-а!!!

Первый османинец вскочил на бруствер окопа. Снизу его тут же достали штыками, и он свалился вниз прямо на капитана Магу. Не удержавшись на ногах, Алекс упал на дно траншеи, труп навалился сверху. Офицер попытался спихнуть с себя убитого, но в этот момент рядом упал кто-то еще, затем сверху навалился второй, то ли убитый, то ли раненый. Затем, не давая капитану вдохнуть, по лежащим на дне прошлась целая толпа.

И хоть по трупам уже никто не топтался, наверху продолжали галдеть османовцы. Алекс решил, что вылезти прямо сейчас, да еще и с разряженным револьвером в руке, будет не самым разумным решением в его жизни. От убитого османинца несло потом, табаком и свежей кровью.

Выждав, когда голоса затихнут, капитан попытался сдвинуть навалившийся сверху труп. Задуманное удалось только с третьей попытки. Убитый османинец и при жизни обладал немалым весом, а после смерти, казалось, стал еще тяжелее. Вновь обретя свободу, Алекс, первым делом решил зарядить оружие. За этим занятием его и застал отставший от своих османовский солдат. Хоть тот и шел не скрываясь, увлеченный процессом зарядки офицер его шагов не слышал.

– Ди копек!

Удар османинец молча, быть бы капитану Магу припиленным к стенке окопа длинным, ятаганообразным штыком, а так в последний момент Алексу каким-то чудом удалось увернуться, и клинок только скользнул по боку. Не ожидавший того, что его оружие провалится гораздо дальше, солдат не смог устоять на ногах и начал падать на капитана, офицер с ходу заехал ему в лоб рукояткой тяжеленного «голда», который он так и не успел зарядить.

Второй раз за четверть часа Алексу пришлось выбирать из-под лежащего на нем трупа, только на этот раз саднила рана на левом боку. Револьвер так и стался в руке, а вот приготовленные для зарядки патроны рассыпались. Недолго думая, Алекс позаимствовал винтовку у им убитого, выгреб из подсумка и рассовал по карманам мундира патроны. Винтовка, кстати, оказалась заряженной. И чего он, дурак, просто не выстрелил?

После того, как капитан Магу обзавелся трофейным оружием, в полный рост встал вопрос: а что же делать дальше? Судя по шуму боя, не сумев удержать эту часть вала, оборонявшиеся отступили во внутренние помещения форта, и османовцам удалось прорваться во внутренний двор, где сейчас гремели выстрелы. Наконец-то проснулась российская артиллерия, начавшая ставить заградительный огонь вокруг форта. Для начала Алекс решил обратиться с дороги подходящих к месту боя резервов османовцев.

Вот только никаких османовских резервов к форту сейчас не выдвигалось. Не было второй волны штурмующих, которая смогла бы закрепить результаты и развить успех первой. Османовские паши все поставили на первый удар. Не зная этого, капитан Магу выбрался из

окопа и двинулся на восток. Рана на боку, поначалу доставлявшая не много беспокойства, кровила и болела все сильнее, мешала двигаться.

Пройдя всего два десятка шагов, Алекс едва не натолкнулся на бродившую в своих тылах группу османийцев. Он успел опять нырнуть в траншею, где и притаился, пока османийцы не прошли мимо него. Похоже, эти солдаты не горели желанием принять участие в штурме вместе со своими товарищами, а предпочли уклониться от боя. Но для раненого руссiйского офицера они были куда как опасны.

Решив, что по валу идти опасно, капитан принял весьма опрометчивое решение – он решил спуститься в ров и выбраться по нему. Мало того что этот спуск потревожил рану и лишил Алекса последних сил, так внизу еще и негде было укрыться. К счастью, там, кроме не подававших признаков жизни тел, никого и не было. Возможно, среди них были и еще живые, но проверять их наличие офицер не стал. Отметил только, что казавшаяся бесполезной стрельба в темноту все-таки собрала свою дань со штурмующих. Сделав несколько шагов вдоль контрэскарпной стенки рва, Алекс остановился, опираясь на винтовку, и закрыл глаза.

Негромкий шорох заставил его разлепить веки, и он каким-то чудом успел громко, как только мог рявкнуть:

– Отставить!!!

Четырехгранный штык замер едва, не коснувшись сукна капитанского мундира. Солдат, меньше всего ожидавший встретить здесь своего же офицера, привычную команду выполнил с похвальной быстротой.

– Отставить, рядовой, вторую дырку за сегодня я могу и не пережить.

Солдат отвел штык в сторону и, обернувшись назад, откуда подходили остальные, доложил:

– Господин капитан, здесь наш офицер! Вроде раненый.

Из темноты появился незнакомый пехотный капитан, видимо, из другого полка:

– Кто вы такой?

– Капитан Магу, – представился Алекс, – пятая рота двадцать второго полка.

– Санитар! Перевяжи капитана.

До прихода санитара офицер успел спросить:

– Османийцы впереди есть?

– Только одиночки и небольшие отдельные группы. Основные их силы увязли во внутреннем дворе форта. Если через пятьдесят шагов подниметесь на вал, то как раз зайдете им в тыл.

Поблагодарив Алекса за совет, офицер повел своих солдат дальше. Сообразив, что ночная перестрелка это не просто дежурная вылазка османийцев, а решительный штурм форта номер два, генерал Скоблин бросил в бой все имевшиеся в его распоряжении резервы. Еще бы, потеря единственного захваченного укрепления Коварны обращала неудачный штурм в полную катастрофу. Во рву капитан Магу столкнулся с одной из рот двадцать четвертого пехотного полка, первым пришедшим на помощь защитникам форта.

Подоспевший санитар помог Алексу избавиться от портупей и снять мундир. Разрезав нижнюю рубаху, санитар, как мог, осмотрел рану и огласил диагноз:

– Повезло вам, господин капитан, штык поверху прошел, внутренние органы не задел. Только крови много потеряли. Ну да сейчас мы вас перевяжем.

Присыпав рану каким-то вонючим порошком, солдат наложил повязку.

– Подождите здесь, господин капитан, я за вами кого-нибудь пришлю, а мне идти надо.

С подходом руссiйских резервов бой вспыхнул с новой силой. Но теперь нападающие и оборонявшиеся поменялись местами. К тому же к руссiйцам постоянно подходили все новые и новые силы. Теперь темнота помогала им, позволяя скрытно перебрасывать резервы к форту. Османийцы большей частью были зажаты во внутреннем дворе форта, где и были почти пол-

ностью истреблены. В плен попали не больше сотни человек, по большей части тяжелораненых. Остальные, поняв, на чью сторону склоняется чаша весов победы, бежали из него еще быстрее, чем к нему в начале штурма. Ночь и занятость руоссийцев другими проблемами позволили им спастись.

Санитары подобрали Алекса где-то час спустя после перевязки. Изорва его доставили в лазарет форта, после боя напоминавший филиал ада. Уставший фельдшер уделил офицеру целых три минуты, даже под повязку заглянул, после чего, приказал санитарам повторно перевязать и отнести капитана Магу в офицерскую палату.

В каземате, освещенном коптящим факелом, на расстеленной соломе лежали восемь офицеров двадцать второго и двадцать четвертого полков. Рядовых и унтер-офицеров укладывали намного плотнее. Там местами уже умершие лежали вперемежку с еще живыми. Картину дополняли стоны, крики, вонь невымытых тел, дерьма и крови.

В самом просторном каземате при свете масляных ламп оперировал хирург, с ног до головы испачканный чужой кровью. стакан водки в рот и на стол, а там, палку в зубы и под нож, терпи, если жить хочешь. Время от времени санитары выносили ведра с ампутированными конечностями. Не было редкостью, когда еще до окончания операции со стола убирали труп.

Под землей время течет по-иному, чем на дневной поверхности. Здесь нет светлого времени суток, только темное. День наверху или ночь можно определить только по поведению людей, тех, которые могут перемещаться самостоятельно. Ходят, значит, день, если спят – ночь. Все смешалось на утро после боя. Одни продолжили ходить, вторые, измученные боем, бессонной ночью и ранами, спали. Капитан Магу входил в число вторых. Несмотря на боль в боку и постоянный шум, его сморил сон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.